

АЛЕКСАНДР ХРАМОВ

КОЛОНИАЛЬНАЯ ИЗНАНКА ЕВРОПЕЙСКОГО КОСТЮМА

Заметки о внутреннем колониализме в Российской империи (XVIII – начало XX в.)

Российская империя, в отличие от других европейских держав Нового времени, не знала четкого разделения на метрополию и колонии. Центральная Россия, будучи номинальной метрополией, эксплуатировалась и управлялась колониальными методами. Европеизированная российская элита рассматривала крестьянское большинство центральных губерний в качестве отсталых и неполноценных «людей Востока», неспособных распоряжаться собственной судьбой. Под этим предлогом правящие круги усиливали контроль помещиков и, затем, сельской общины над великорусскими крестьянами. Подобная архаизация социальных отношений была нужна, чтобы в условиях неразвитой экономики снижать издержки государственного управления и одновременно повышать уровень эксплуатации населения. Это позволяло Российской империи за счет внутренних ресурсов изыскивать средства, необходимые для ведения активной внешней политики. В результате имперский экспансионизм, затратный для всех европейских метрополий, в российском случае обернулся превращением великорусского центра во внутреннюю колонию. В качестве ответной реакции в XIX веке в России возникло народническое движение, принявшее отчетливый антиколониальный характер. После 1917 года но-

вая власть продолжила использовать колониальные методы управления, что в конечном итоге привело к краху советской системы.

Белый — не что иное, как негр, вывернутый наизнанку.
Альфред Жарри.
«Убю-колонизатор»¹

«Жернова» имперского бремени

«Империи можно сравнить с деревом, слишком разросшиеся ветви которого высасывают весь сок из ствола и способны только бросать тень»². Сомнения в необходимости имперской экспансии, нашедшие выражение в этих словах Монтескье, преследовали европейские империи на протяжении всей их истории. Целесообразность приобретения и удержания колониальных владений находилась под вопросом практически с самых первых шагов европейских государств на имперской стезе и вплоть до стремительного распада колониальных империй после Второй мировой войны. Помимо энтузиастов имперского строитель-

¹ Жарри А. Убю король и другие произведения. М.: Б.Г.С.-ПРЕСС, 2002. С. 242.

² Монтескье Ш.А. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2002. С. 197.

ства всегда были скептики, ставившие колониальные приобретения под сомнение, причем не из соображений отвлеченного гуманизма, а из вполне прагматичных рассуждений о невыгодности имперского бремени.

В приведенном суждении Монтескье речь идет об Испанской и Португальской империях, которые к моменту выхода первого издания «Персидских писем» (1721) переживали не лучшие времена. А уже через полстолетия, в 1776 г., в самый разгар противостояния британского правительства и американских колоний, Адам Смит в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» опасался, как бы сама Британия не повторила судьбу своих имперских предшественниц. «Испания и Португалия были промышленными странами до того, как обзавелись обширными колониями»³, указывал Смит, но, став империями, они быстро пришли в упадок и запустение. «Защита колоний обычно требует очень значительного отвлечения военных сил, поэтому все европейские колонии без исключения являются причиной скорее слабости, чем силы, своих метрополий»⁴.

Смит развивает утверждение Монтескье про «высасываемые колониями соки». «Великобритания напоминает один из тех нездоровых организмов, у которых некоторые важные члены слишком разрослись»⁵: торговая монополия империи вызывает отток капитала в сферу колониальной торговли, тем самым ослабляя конкурентоспособность страны в других отраслях. Дефицит капитала, отвлеченного в колонии, замедляет улучшение земли и повышение производительности труда. «При современной системе Великобритания ничего, кроме убытка,

не получает от своего господства над колониями»⁶, — подытоживает Смит.

«Колонии — это мельничные жернова на нашей шее». Такое высказывание (1852) будущего британского премьер-министра Бенджамина Дизраэли приводит⁷ Владимир Ленин в своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1917), которая внесла важный вклад в копилку левой мысли, вдохновлявшей антиколониальную борьбу в Третьем мире. Построения Ленина опирались на труд Джона Гобсона «Империализм» (1902), в котором, на пике могущества Британской империи, фактически пересказывались тезисы Адама Смита. Смит считал, что имперская экспансия выгодна только «горстке торгашей», Гобсон — что она выгодна лишь искателям приключений и алчным «вкладчикам капитала». Гобсон, вслед за Смитом, указывал на преимущества торговли со свободными странами перед колониальной торговлей: «если бы мы вместо того, чтобы швырять деньгами на приобретение новых территорий, уступили часть их или даже все Франции, Германии или России, чтобы эти страны расходовали на них свои деньги, вместо того, чтобы мы тратили на их приобретение и эксплуатацию свои ресурсы — наша заграничная торговля возросла бы несомненно настолько же, насколько сократилась бы наша колониальная торговля»⁸.

Вывернутая империя

Российская империя, как и другие империи того времени, на рубеже XX в. столкнулась с возросшим скепсисом общества относительно колониальных приобретений, и в этом не было чего-то исключительного. Как

³ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 580.

⁴ Там же. С. 565.

⁵ Там же. С. 575.

⁶ Там же. С. 585.

⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 27. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 375.

⁸ Гобсон Дж. Империализм. М.: Книжный дом Либроком, 2010. С. 69.

писал редактор «Нового времени» А.С. Суворин, «пора оставить рубль в хозяйстве русского человека, а не вынимать его из этого хозяйства на необъятные горизонты» (1903). «Санкт-Петербургские ведомости» в сентябре 1900 г. отмечали, что центру кажется, будто «его во всем обходят и дают предпочтение окраинам в ущерб его интересам»⁹. Н.К. Бржеский, экономист и вице-директор департамента неокладных сборов Министерства финансов, писал (1908): «в конце истекшего десятилетия все свободные средства страны были искусственно направляемы на Дальний Восток и там растрчивались, с огромным ущербом для интересов метрополии», в то время как «земледельческий центр страны обнаруживает явственные признаки некультурности и отсталости»¹⁰.

Однако в этих рассуждениях, помимо достаточно типичных жалоб на разорительность имперского бремени, прослеживается мотив, весьма необычный для европейских колониальных держав, но крайне характерный именно для Российской империи. Как писал националистический публицист М.О. Меньшиков (1914), «исстари угнетаемый в пользу окраин великорусский центр являет признаки запустения и одичания. Навалив на свою спину *“более культурных”* инородцев и иностранцев, русский мужик потерял свое древнее богатство, выродился, зачах»¹¹ (курсив в цитатах здесь и далее мой. — А.Х.). Ему вторит другой сотрудник «Нового времени», В.В. Розанов (1909): «Финляндия, Балтика, Привислинье, армяне имеют вид каких-то обиженных барышень, капризных и недовольных, которые кричат или хмурятся... *на не угодившую*

прислугу Россию, страну варварскую, грубую, необразованную, над которой задирают нос своею *“культурностью”* не только немцы... но и поляки, армяне... Русские в ответ на это виновато улыбаются, извиняются и всемерно озабочены, как же успокоить нервы окраинным барышням, которые того и гляди *“наделают неприятностей”* своей старой и *“необразованной” няньке*»¹².

«Варварский», «менее культурный» — такой лексикон европейцы использовали применительно к колониям, здесь же в качестве «необразованной прислуги» представлена номинальная русская метрополия. Подобную инверсию нельзя понимать только как полемический перегиб, она является одним из симптомов принципиального смещения в структуре Российской империи, которое поставило государство Романовых в совершенно особое положение по сравнению с типичными европейскими колониальными державами, в особенности морскими.

Все европейские империи Нового времени строились в соответствии с *однозначной иерархией*, не допускающей какой-либо неопределенности в вопросе о статусе и роли метрополии, с одной стороны, и колоний — с другой. Политические тела этих империй были строго дифференцированы на «ствол» и «ветви» (если пользоваться метафорой Монтескье), и нельзя было даже представить себе такую ситуацию, при которой они могли бы поменяться местами. Между метрополией и колониями пролегал океан в географическом отношении и пропасть — в культурно-политическом. В рамках имперской иерархии метрополия по определению играет роль культурного гегемона, который должен управлять и воспитывать «варварское» и «необразованное» население колоний. Британцы, имея перед глазами древние памятники индийской культуры, всё

⁹ Цит. по: Сибирь в составе Российской империи. М.: НАО, 2007. С. 34.

¹⁰ Бржеский Н.К. Очерки аграрного быта крестьян. СПб., 1908. С. 43.

¹¹ Меньшиков М.О. Из писем к ближним. М.: Воениздат, 1991. С. 160.

¹² Нация и империя в русской мысли начала XX века. М.: Скимень, 2004. С. 111–112.

равно не могли даже на мгновение допустить, что Британия представляет в сравнении с ними пример одичания и грубости, а не силу цивилизации и прогресса.

Именно приписываемая колониям отсталость позволяет оправдать их подчиненное положение: в силу своей «отсталости» население колоний не способно распоряжаться своей судьбой, поэтому ею должна распоряжаться «более культурная» метрополия. Именно такая *непреодолимая* культурная дистанция дает метрополии моральное право на имперскую экспансию и политическое доминирование над покоренными территориями. «Вечным детям» (какими туземцы являются в глазах колонизаторов) не нужны гражданские права и политическое самоуправление, которыми пользуется население метрополии. Как заметил заместитель британского премьер-министра (1945–1951) Герберт Моррисон, предоставление колониям самоуправления «будет подобно выдаче десятилетнему ребенку ключа от входной двери, банковского счета и ружья»¹³.

Европейские империи могли существовать только до той поры, пока они были способны навязывать колониям роль десятилетнего ребенка, который требует надзора и контроля. Но как только имперская иерархия смещалась настолько, что «ветви» в общественном сознании становились неотличимыми от «ствола», тело империи стремительно распадалось. Для Российской империи же подобная неразличимость была нормой ее существования.

Российская империя изначально строилась в соответствии со смещенной и двусмысленной логикой, согласно которой номинальная русская метрополия зачастую признавалась политически даже менее зрелой, чем тер-

ритории, присоединяемые к ней в ходе имперской экспансии. Если Царство Польское в составе Российской империи получило конституцию еще в 1815 г., а княжество Финляндское — регулярно созываемый сейм с 1863 г., то по сравнению с ними русские губернии явно трактовались в качестве «десятилетнего ребенка», который смог дорасти до парламентаризма лишь спустя несколько десятилетий¹⁴. Как писал в 1820-е гг. попечитель Петербургского учебного округа Д.П. Рунич, «русский народ еще не вышел из детства, с ним нельзя говорить о свободе»¹⁵. Сложно представить англичан, которые (под предлогом их «детского возраста») получили бы право избирать парламент позже, чем ирландцы или индусы, но в случае Российской империи «метрополия» не была поставлена на вершину имперской иерархии. «Метрополии» как таковой вообще не было, с ней обращались как с одной из колоний. Если европейские колониальные державы строились как деревья, подразделенные на главенствующий «ствол» и подчиненные «ветви», то политическое тело Российской империи разрасталось как недифференцированная («единая и неделимая») *ризома*. Царская власть предпочитала просто не различать русскую метрополию и колониальную периферию.

¹⁴ Министр иностранных дел Российской империи К.В. Нессельроде, комментируя намерение Александра I даровать Польше конституцию, указал на создаваемую тем самым асимметрию: «...каким образом император мог бы в одной части своих владений быть самодержавным, а в другой — конституционным монархом?.. Русский народ имеет право на то, чтобы с его пожеланиями считались: предприятие это по существу было бы антинациональным» (Цит. по: *Каспэ С.И.* Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. М., 2001. С. 120).

¹⁵ Цит. по: *Русский консерватизм XIX столетия, идеология и практика* / Под ред. В.Я. Гросула. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 89.

¹³ *Брендон П.* Упадок и разрушение Британской империи, 1781–1997. М.: АСТ, 2011. С. 652.

На институциональном уровне это проявлялось, например, в отсутствии у России Министерства колоний. Подобным ведомством обзавелись все европейские империи: у англичан в первоначальном своем виде оно появилось в 1801 г., у голландцев — в 1806 г., у французов — в 1858 г., у немцев — в 1907 г., у бельгийцев — в 1908 г.¹⁶ Российская же империя обходилась без аналогичного министерства вплоть до своей гибели в 1917 году. Царская власть просто не видела того предмета ведения, который бы сделал это министерство необходимым. Понятия «колония» и «метрополия» крайне амбивалентны в Российской империи: часто невозможно понять, где начинается одно и где заканчивается другое. Подобной двусмысленности способствовало и отсутствие принципиальных различий в схемах, по которым управлялись «коренные» русские земли и имперские приобретения. Так, чиновники Переселенческого управления сетовали: «хотя наши азиатские владения и по отдаленности их, и по своеобразию их ничем не отличались от колоний крупнейших западноевропейских держав, у нас они управлялись не вице-королями, а в лучшем случае генерал-губернаторами с совершенно призрачной самостоятельностью от центра; их особые права, в сущности, сводились только к мелочам чисто полицейского характера, которыми они только и отличались от обыкновенной губернаторской власти»¹⁷.

Российские чиновники периодически вспоминали, что в составе Российской империи можно выделить аналогии европейских колоний. Так, М.М. Бакунин, российский консул в голландской Батавии, указывал: «Закавказье для нас та же колония, что и Ява для голландской метрополии». В свя-

зи с этим Бакунин рекомендовал перенять в Закавказье колониальную практику «принудительных культур», в соответствии с которой голландская администрация заставляла туземное население обрабатывать кофейные и табачные плантации. Но применить эту колониальную практику чиновник советовал не к местным жителям, а главным образом к русским переселенцам! «Ввиду обычной русской косности, еще сильнее сказывающейся на окраинах России, на первых порах придется декретировать свыше различные полезные культуры и мероприятия... Русский человек решительно на все способен и пригоден, стоит лишь ему “приказать”»¹⁸. В отличие от Голландской империи, где объектом колонизации является «косный туземец», здесь в качестве такого безвольного и послушного «туземца», ожидающего приказов, выступают русские, номинальные колонизаторы! Имперская иерархия полностью смещена: выходцы из русского центра фактически приравниваются к колониальному населению даже тогда, когда образованная элита все-таки вспоминает, что у России есть колонии.

Отсутствие четкой границы (как территориальной, так и институциональной) между русской метрополией и колониальной периферией было не только следствием спонтанного «расползания» континентальной империи, но и осознанной политикой царской власти. В рамках европейской имперской традиции народ метрополии как носитель цивилизаторского начала по определению должен обладать большими правами, чем колонизируемые туземцы. Поэтому самодержавие не хотело проводить различия между теми и другими. Русский центр не должен был выступать в привилегированном положении «хозяина им-

¹⁶ Imperium inter pares. Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М.: НАО, 2010. С. 114.

¹⁷ Там же. С. 171.

¹⁸ Бакунин М.М. Тропическая Голландия. Пять лет на острове Ява. М.: Минувшее, 2007. С. 282–283.

перии», иначе неизбежно встал бы вопрос о предоставлении ему особого набора гражданских прав и политических свобод, которые самодержавие предоставить ему не хотело и не могло. Русский центр сознательно низводился до уровня *еще одной колонии*, ничем принципиально не отличающейся от инородческой периферии, а если и отличающейся, то в худшую сторону. Как докладывал Николаю I чиновник Третьего отделения о настроениях помещичьих крестьян, «они хорошо знают, что во всей России только русские крестьяне находятся в состоянии рабства, все остальные — финны, татары, латыши, мордва, чуваша и т.д. свободны»¹⁹.

Поэтому типичные для всех европейских колониальных держав разговоры об убыточности «колониального бремени» для метрополии в случае Российской империи перетекали в рассуждения о колониальном характере эксплуатации русского центра. *Русские в Российской империи в основной своей массе выступали не в роли колонизаторов, а в роли колонизируемых во имя имперского престижа и во имя нужд «более культурных» подданных царя.* Как писал А.А. Пушкирев, управляющий Бакинской казенной палатой в 1880-е гг.: «несравненно богатейшие жители Закавказского края по сравнению с какой-нибудь Новгородской или Псковской губерниями, жители которых едят хлеб с мякиной, платят вчетверо меньше, и в то же время голодный мужик северных губерний обязывается платить за богатых жителей Закавказья»²⁰.

¹⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб.: Дм. Буланин, 2003. С. 407.

²⁰ Цит. по: *Правилова Е.А.* Финансы империи. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917. М.: Новое издательство, 2006. С. 265.

Во время своего путешествия по Сибири в 1855 г. П.П. Семенов-Тянь-Шанский заметил: «Избы крестьян Тобольской губернии поражали меня своим простором по сравнению с тесными курными избами крестьян черноземных великорусских губерний... одежда сибирских старожилов также была несравненно лучше одежды крестьян Европейской России, особенно черноземной ее полосы... Сибирские старожилы не хотели верить, что в Рязанской губернии на целый двор приходится иногда по одному тулупу...»²¹. Эти слова явились как бы ответом на последующие попытки сибирских областников трактовать Сибирь как колонию: возможно, Сибирь и в самом деле была колонией, но самой нищей, некультурной и эксплуатируемой колонией в составе Российской империи была всё же русская Центральная Россия.

Упомянутая Семеновым-Тянь-Шанским Рязанская губерния (вместе с Курской, Воронежской, Орловской, Тамбовской) принадлежала к числу центрально-черноземных губерний, которые полстолетия спустя, в 1905–1907 гг., стали эпицентром крестьянских волнений. Это привлекло к ним повышенное внимание исследователей, отмечавших плачевное состояние перенаселенного и малоземельного русского центра. Если Север России, писал С.Н. Прокопович, обладает развитой обрабатывающей промышленностью, а южные и восточные регионы хорошо обеспечены землей, то «население расположенной между ними центральной области страдает и от недостатка земли, и от отсутствия промышленности»²².

²¹ Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах. М.: Дрофа, 2007. С. 32–33.

²² Прокопович С.Н. Аграрный вопрос в цифрах. СПб.: Общественная польза, 1907. С. 20.

В эти же годы А.И. Шингарев провел подворное исследование села Ново-Животинного и деревни Моховатки черноземной Воронежской губернии, основной вывод которого был отражен в названии его книги — «Вымирающая деревня». Шингарев писал о «зловонной грязи» на земляном полу изб, в которую падают объедки, о скученности построек и отсутствии отхожих мест — экскременты рассеяны по двору, их поедают свиньи и собаки²³, о высокой детской смертности, о непомерных налогах. Такое ощущение, что исследователь побывал во «внутренней Африке», населенной безграмотными и отсталыми русскими туземцами, с которыми он едва имел что-либо общее, входя в их закопченные жилища и морщась от вони. Присутствовавший в сознании просвещенных читателей «вымирающей деревни» образ «культурных и процветающих» окраин (Север, Юг и Восток) только подчеркивал удивительную инверсию: *колониальная периферия разместилась в самом центре Российской империи.*

«Сор славянский, дрянь родная»: ориентализация Центральной России

Как и любая колониальная периферия, внутренняя крестьянская Россия была загадочной и экзотичной территорией для тех, кто был призван управлять ею. А.Т. Болотов, который прослужил больше 20 лет управляющим крестьянами собственных волостей Екатерины II, только в 1792 г. впервые побывал на деревенском празднике, когда непогода застала его с семьей в пути и вынудила остановиться в крестьянской избе. «На что смотрели и сами мы, как на невиданное никогда зрелище, с особливым любопытством, и не могли странности обычаев их,

принужденности в обрядах и глупым их этикетам и угощениям довольно надивиться»²⁴. Европейски образованный Болотов, в совершенстве владевший немецким и другими европейскими языками, смотрел на обычаи русских туземцев безразличным и отчужденным взглядом колонизатора.

Комментируя эту колониальную оптику правящего сословия, публицист К.Ф. Головин писал (1898): «Перед началом 60-х гг. крестьянская жизнь была так же незнакома лучшим из тогдашних людей, как *внутренность Африки*. Помещики, целый век прожив в деревне, обладали странным свойством не видеть зрячими глазами, не сознавать явлений, постоянно вокруг них происходивших»²⁵. В пореформенное время ситуация едва ли изменилась. Неоднократно переиздававшиеся и вызывавшие неподдельный интерес у читателей «Письма из деревни» петербургского профессора А.Н. Энгельгардта, высланного в 1870 г. в деревню Батицево Смоленской губернии, кажутся написанными из какого-то колониального путешествия в неизведанную страну, чем и объяснялся повышенный интерес к ним со стороны просвещенной публики.

Энгельгардт мчался на поезде среди «болот, пустот и бесконечных пространств». Как и всякая колония, где «цивилизация» сосредоточена, согласно представлениям колониального класса, в пределах нескольких европейских кварталов, Центральная Россия поражала наблюдателя обилием неосвоенных и диких территорий. «Удивительный контраст! Мягкий диван в вагоне, зеркальные стекла, тонкая столярная отделка, изящные сеточки на чугунных красивых ручках, элегантные

²³ Шингарев А.И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. СПб.: Общественная польза, 1907. С. 60.

²⁴ Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 292.

²⁵ Цит. по: Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М.: РОССПЭН, 2002. С. 317.

станции с красивыми буфетами и сервированными столами, прислуга во фраках, а отойдя полверсты от станции — серые избы, серые жупаны, серые щи, серый народ»²⁶. Хотя до шестнадцати лет Энгельгардт воспитывался в деревне, по его словам, тогда он «ничего не знал о быте мужика и того мелкого люда, который расступался перед нами, когда мы, дети, с нянюшкой, в предшестве двух выездных лакеев, входили в нашу сельскую церковь»²⁷.

«Серый народ», населявший российскую «внутреннюю Африку», до самого краха Российской империи оставался таинственным, отсталым, ребячливым, угнетенным и нуждающимся в попечении. «Народ» был одновременно предметом идеализации и колониального любопытства, от его имени говорили и консерваторы, и революционеры, но сам он оставался лишним голосом. Публика знакомилась с «народом» на страницах петербургских газет, усыпанными словечками «отраднo» и «прискорбно», над чем иронизировал Энгельгардт. «Народ» был неведомым, но одновременно выступал как предмет воображения и конструирования, поэтому многим из числа просвещенной элиты казалось, что они знают народ и его нужды лучше, чем он сам. «Русский народ», как и «восточный человек», если воспользоваться словами Э. Саида, был «представлен как фиксированный, стабильный, нуждающийся в исследовании, нуждающийся даже в знании о самом себе»²⁸, причем «традиция опыта, науки и образования удерживает восточно-цветного в позиции объекта изучения западно-белого человека, и никогда наоборот»²⁹.

«Западно-белому» колониальному классу империи Романовых не пришлось далеко ходить в поисках своего «восточно-цветного» «Другого»: империя нашла его в пределах русских губерний. Передавая содержание одной из статей в «Земледельческой газете» (1856), Ю.Ф. Самарин пишет: «Русский крестьянин — это какой-то *китаец*, закоснелый, бесчувственный, грубый, с превратными понятиями обо всем, не понимающий даже, чем должна быть для него жена, едва сохранивший способность вслушиваться в поучительные речи проезжего барина»³⁰. Самарин отмечает, что в этом тексте «выразилось особенное, у нас развившееся отношение мыслящего наблюдателя к народной среде... на которую он хочет действовать. Ничего похожего на эту статью не могло бы выйти в свет ни в Англии, ни во Франции, ни в Германии...»³¹. Иными словами, в отличие от европейских держав, которые нашли свой Восток в тысячах миль от собственных границ, в России колониальный «Другой» оказался в самом центре, там, где должна была располагаться метрополия.

Эдвард Саид писал об ориентализме — о ментальном освоении колонируемых Европой территорий, когда в результате исследований западных специалистов конструируется образ

³⁰ Самарин Ю.Ф. Православие и народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 451.

³¹ Там же. С. 450. Заметим, что сами славянофилы, возмущавшиеся подобным отношением знати к «простому народу», немало сделали для того, чтобы представить русский народ в качестве своеобразного внутреннего «Востока», которому чужды западные рационализм и индивидуализм. Подобная ориентализация является оборотной стороной колонизации, ведь если, как утверждал А.С. Хомяков, патриархальному, общинному русскому народу не свойственен интерес к политической власти, то им должен управлять кто-то другой.

²⁶ Энгельгардт А.Н. Письма из деревни. 12 писем. 1872–1887. СПб.: Наука, 1999. С. 122.

²⁷ Там же. С. 125.

²⁸ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. С. 476.

²⁹ Там же. С. 352.

«восточной отсталости» населения, оправдывающий подчиненное положение колоний — как раз на примере Британской и Французской империй. Но если Россия была очень специфичной империей — то и об ориентализме применительно к российскому случаю необходимо говорить с большими оговорками. Это вызвало определенную полемику³² среди исследователей. Одни, как Адиб Халид на примере деятельности российских экспертов в Туркестане, пытаются доказать, что образование востоковедов Российской империи мало чем отличалось от их западных коллег, и русские концептуализировали свои отношения с «Востоком» как европейцы. Другие, как Натаниэль Найт, считают, что построения Саида в случае Российской империи стоит использовать с осторожностью, так как ориенталисты в России не получали тех полномочий, которые они имели в Британии и Франции, чьи колонии были отделены от метрополий океаном³³. Третьи, как Дэвид Схиммельпеннинк, подчеркивают, что «дополнительным осложнением на пути развития русского ориентализма по классическому сценарию являлся тот факт, что многие русские осознавали собственное азиатское наследие и происхождение»³⁴.

Действительно, западноевропейские наблюдатели третировали Российскую империю за ее «восточную отсталость». Как писал лорд Керзон (1889), будущий вице-король Индии и министр иностранных дел Великобри-

тании, после своей поездки по Туркестанскому краю, который незадолго до этого был включен в состав Российской империи: «Завоевание Средней Азии было завоеванием людей Востока другими восточными людьми (Orientals by Orientals), имеющими один и тот же характер... Отсталая для Европы система выглядит передовой в Средней Азии, то, что здесь (в Европе. — А.Х.) называется стагнацией, там кажется головокружительным прогрессом»³⁵.

Однако подобные нелестные характеристики со стороны европейских конкурентов, одновременно и высмеивавших отсталость Российской империи, и опасавшихся ее усиления, российская правящая элита едва ли воспринимала на свой счет. К этому времени, когда прошло больше ста лет с петровских реформ, образованный класс Российской империи, ответственный за производство ориенталистского дискурса, вряд ли был озабочен своим «азиатским происхождением» (вопреки неточной формулировке Схиммельпеннинка). Владение европейскими языками, частые поездки в Европу с образовательными и иными целями, знакомство с европейскими романами и научными достижениями, наконец, участие России в международной политике наравне с другими западными державами, требовавшее соответствующей квалификации от российских военных и дипломатов, — всё это исключало для образованных подданных Романовых возможность сколько-нибудь серьезно относить себя к «азиатскому миру». Особенность российской ситуации заключалась в том, что «европейскость» правящего класса была эксклюзивной, из ее поля выпадала (или, вернее, сознательно выталкивалась) «в Азию» не только колониальная периферия, но и большая часть населения русской метрополии.

³² См.: Миллер А.И. Российская империя, ориентализм и процессы формирования наций в Поволжье // *Ab Imperio*. 2003. № 3. С. 293–406.

³³ Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // *Slavic Review*. 2000. Spring. Vol. 59. No 1. P. 74–100.

³⁴ Схиммельпеннинк ван дер О.Д. Ориентализм — дело тонкое // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 249–264.

³⁵ Gurzon G.N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. L.: Longmans, Green and co, 1889. P. 392.

Подобную эксклюзивность удивительно точно обозначил А.С. Пушкин, обронивший в письме к П.Я. Чаадаеву известный афоризм: «правительство всё-таки единственный европеец в России». Дистанция между «единственными европейцами» в лице образованного правящего класса и «неевропейским» «Другим» проявлялась в Центральной России, как и во всякой колонии, на бытовом, повседневном уровне, порой выливаясь в откровенно сегрегационные практики. Так, генерал Н.А. Епанчин вспоминал, что в 1870-х гг. «при входе в Императорский Таврический сад в Петербурге, близ наших казарм, была надпись: “вход воспрещается лицам в русском платье”, т.е. простому народу»³⁶. Несколькими десятилетиями раньше (1803) А.С. Шишков пытался вразумить просвещенную публику: «Не для того мы надели короткое немецкое платье, чтобы гнушаться теми, у которых долгие зипуны. Мы выучились танцевать миноветы, но за что же насмехаться нам над сельскою пляскою бодрых и веселых юношей, питающих нас своими трудами?»³⁷. Однако его увещевания, как видим, не были услышаны.

Уже цитировавшийся Энгельгардт, приехав в губернский город и остановившись в «лучшей немецкой гостинице», «с хозяином немцом и горничными немками, точно в Дюссельдорфе», где еще «продолжалась петербургская городская жизнь», тем не менее сразу же ощутил суть различия между русским (мужицким) платьем и европейским (городским). «Барский костюм до такой степени отличен от мужицкого, приспособленного к образу жизни всего населения страны, что человек, носящий барский костюм, по не-

обходимости должен носить с собою и всю обстановку, соответствующую этому костюму». Сюртуки и пиджаки «единственных европейцев» являются прямым свидетельством их доминирования над Россией полушубков и армяков: «путешествовать в городском костюме... возможно, только имея при себе “Петрушку”»³⁸, т.е. крепостного слугу.

Вытеснение великорусского большинства (под предлогом его «культурной отсталости» или «особого пути») в сферу ориентализированного «Другого» было залогом господства европеизированной элиты. Если «мы» — эксклюзивные держатели «европейскости», то «они» — обязаны нам подчиняться во имя прогресса цивилизации. Правящий слой специально прочерчивал границу между Россией и Европой так, чтобы оказаться вместе с французами или немцами с одной ее стороны, оставив по ту сторону остальной «серый народ». Как восклицает исправник «из числа образованных дворян» в рассказе Н.С. Лескова «Продукт природы» про крепостных крестьян Орловской губернии: «Моя пряжка действует удивительно: я гоню их назад, как фараон, привожу и всех их секу; и не забудьте, секу их при их же собственном великодушном и благосклонном содействии... Я стою и думаю: “Ах вы, сор славянский! Ах вы, дрянь родная!” Пусть бы кто-нибудь проделал такую штуку над сорока французами!.. Черта-с два!.. А тут все прекрасно... О, если бы у меня был орден! С настоящим орденом я бы один целую Россию выпорол!»³⁹. Представитель

³⁸ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 129–130.

³⁹ Лесков Н.С. Собр. соч. Т. 9. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1958. С. 354. В рассказе описана насильственная транспортировка крепостных крестьян центральных губерний (Курской и Орловской). Помещики отправили крестьян на барках по Волге заселять свои степные имения. Предыдущая партия, которую отправили по суше, «напо-

³⁶ Епанчин А.Н. На службе трех императоров: Воспоминания. М.: Изд-во журнала «Наше наследие», 1996. С. 126.

³⁷ Цит. по: Алтшуллер М. Беседа любителей русского слова. У истоков русского славнофильства. М.: НЛО, 2007. С. 33.

«единственных европейцев» надеется выпороть «целую Россию» именно потому, что большинству ее населения отказано в принадлежности к Европе, над которой «этакую» колониальную «штуку» проделать невозможно.

Разумеется, в Российской империи имелся свой ориентализм на западный лад: российские литераторы и специалисты осваивали Кавказ в той же манере, что и их французские коллеги — Алжир. Но помимо Востока периферийного, в Туркестане или на Кавказе, в Российской империи существовал и Восток внутренний — в Воронежской или Орловской губернии. Этот «внутренний Восток», так же, как и Восток периферийный, подлежал исследованию, сегрегации и порке. Подобная двойственность колониального «Другого» и придавала двусмысленный статус российскому ориентализму в целом.

Этот же неструктурированный, ризомный характер Российской империи нашел свое отражение и в другой колониальной дисциплине — антропологии. В российской антропологической мысли со второй половины XIX в., когда она начала активно развиваться, доминировала московская школа, сосредоточенная вокруг Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Московские антропологи занимались фиксацией разнообразия народов империи, не делая каких-либо различий между метрополией и колониями. «Великорусы Ржевского уезда Тверской губернии» исследовались наряду с сахалинскими гиляками или чепецкими вотяками. В рамках подобного подхода «упорядочивание имперского антропологического разнообразия при

помощи картографической демаркации... не позволяло переосмыслить Россию в категориях оппозиции ядра метрополии и расово принципиально иной колониальной периферии»⁴⁰. Исключалась «даже мысль о возможности отдельной антропологии инородцев и некой особой антропологии титульного народа империи»⁴¹. Так, для военного врача Н.В. Гильченко, служившего на Кавказе (1883–1888) и, казалось бы, находившегося в типично колониальной ситуации, «разделение на метрополию и колонию вовсе не являлось безусловным». Измеряя вес мозга различных этнических групп, он сводил воедино «как данные кавказских “инородцев”, так и данные населения Европейской России, конструируя некий усредненный общий “мозг империи”»⁴².

Московский подход «доминировал над колониальной антропологией, стремившейся к рационализации и модернизации управления империей по западноевропейским моделям»⁴³, которая была представлена Русским антропологическим обществом при Петербургском университете. Так, один из его членов, профессор Э.Ю. Петри, следовавший канонам берлинской антропологии, считал, что предметом антропологии являются «неразвитые народы», в то время как культурными народами должны заниматься историки. Однако такой взгляд на антропологию не смог прижиться в Российской империи, столкнувшись с «амбивалентностью положения российских “инородцев” и самого русского народа vis-a-vis Культуры»⁴⁴. Подавляющее большинство русского населения Центральной России трактовалось как «варвар-

ловину перемерла», тех, кто сбежал — ловили и секли. Ужасающие условия перевозки крестьян, описанные в рассказе, заставляют вспомнить об африканских рабах, которых столь же насильственно вывозили из Африки для работы на американских плантациях.

⁴⁰ Могильнер М. Ното imperii. История физической антропологии в России (конец XIX — начало XX в.). М.: НЛО, 2008. С. 158.

⁴¹ Там же. С. 175.

⁴² Там же. С. 305.

⁴³ Там же. С. 147.

⁴⁴ Там же. С. 115–116.

ское» и «некультурное» и выступало в качестве объекта колонизации со стороны европейской элиты, в этом качестве смыкаясь с колониальной периферией. Всё это наводит на размышления об особом феномене внутреннего колониализма, характерном для российской государственности.

«Внутренний колониализм»: границы и смысл концепта

Впервые о внутреннем колониализме применительно к Российской империи, не употребляя, впрочем, такого словосочетания, заговорили еще националистические публицисты начала XX века. Так, уже цитировавшийся М.О. Меньшиков писал (1909): «Англичане, покорив Индию, питались ею, а мы, покорив наши окраины, отдали себя им на съедение. Мы поставили Россию в роль обширной колонии для покоренных народцев — и удивляемся, что Россия гибнет! Разве не то же самое происходит с Индией? Разве не погибли красные, черные, оливковые расы, не сумевшие согнать с тела своего белых хищников?»⁴⁵ Однако понастоящему комплексное осмысление феномен внутреннего колониализма получил лишь спустя несколько десятилетий, и отнюдь не на базе российского материала.

Наиболее весомый вклад в разработку понятия «внутренний колониализм» внес Майкл Хечтер, автор книги «Внутренний колониализм. Кельтская окраина Британской империи» (1975). В этой книге рассматривается влияние Англии на развитие покоренных ей кельтских регионов (Уэльса, Шотландии и Ирландии). Кельтские территории, как и заморские владения Англии, находились в колониальной ситуации и выступали в качестве придатка по отношению к экономике метрополии. Систематическое отставание в развитии

Ирландии и других кельтских территорий объясняется, считает Хечтер, не их обособленностью от более развитой Англии, а, напротив, тем, что они были «интегральной частью объединенной экономической системы Британских островов, в которой Англия была самым видным участником»⁴⁶. В рамках этой системы кельтские регионы, будучи «внутренней колонией», играли сугубо инструментальную роль. В то время как Англия вступила на путь индустриализации и развивала разные сферы своей экономики, кельтские территории продолжали оставаться аграрными экспортёрами, обслуживающими английский рынок.

Свою доминирующую роль Англия закрепила благодаря системе культурного разделения труда (cultural division of labor), согласно которой высшие должности по умолчанию были зарезервированы за представителями культуры метрополии, а представители «туземной культуры» могли претендовать только на второстепенные посты, что не позволяло им влиять на ситуацию в собственных регионах. В итоге, формально находясь в границах единой страны, территории с иным этнокультурным (кельтским) составом населения оказались в положении колоний, что Хечтер и описывает при помощи понятия «внутренний колониализм».

По сути, во внутреннем колониализме в понимании Хечтера мало собственно «внутреннего», он видит в отношениях Англии и кельтских окраин лишь слегка завуалированный⁴⁷ тради-

⁴⁶ *Hechter M.* Internal colonialism: the Celtic fringe in British national development, 1536–1966. Berkeley: University of California Press, 1975. P. 137.

⁴⁷ Завуалированность, неназванность — общая особенность всех без исключения случаев внутреннего колониализма: внутренняя колония не всегда располагается во внутренних территориях страны, но всегда является «внутренней» в том смысле, что ее коло-

ционный вариант западного колониализма с доминированием имперского центра над колониальной периферией. В случае же Российской империи имела место реверсия этих отношений, когда колониальная периферия была помещена «внутрь», когда подавляющая часть населения метрополии, живущая в «серых избах» и отличающаяся от колониального класса культурно, но не этнически, выступала в качестве одной из колоний. То, что Хетчер говорит про кельтскую периферию, в Российской империи можно было сказать про русский центр. «Коммерция и торговля среди представителей периферии имели тенденцию быть монополизированными со стороны представителей ядра. Кредит также был монополизирован...»⁴⁸. Эти слова заставляют вспомнить борьбу правящих классов Российской империи против крестьянского («кулацкого») капитала: считалось, что ссуды, которые предоставляют богатые крестьяне своим односельчанам, слишком разорительны для последних, так что «кулаков» необходимо вытеснить посредством создания кооперативов, контролируемых государственными специалистами⁴⁹. Опять-таки, то, что Хетчер видит среди представителей периферий-

ниальный статус не лежит на поверхности. Внутреннюю колонию не называют колонией, а проблемную ситуацию, в которой оказалось ее население, предпочитают не описывать в колониальных терминах, говоря вместо этого об «отсталости», «крестьянском вопросе» и проч., хотя все эти категории приложимы и к «классическим» колониальным ситуациям. Ирландия, как и Индия, была отсталой крестьянской страной, но, в отличие от Индии, ее открыто не признавали колонией, что делало ее колонией внутренней, т.е. неназванной.

⁴⁸ Там же. С. 33.

⁴⁹ См.: Коцюнис Я. Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России, 1861–1914. М.: НАО, 2006. С. 181–185.

ной группы — «относительный недостаток служб, низкий стандарт жизни и высокий уровень разочарованности, измеряемый таким показателем, как алкоголизм»⁵⁰ — в случае Российской империи можно отнести к ее «русскому ядру».

Американский социолог Роберт Блаунер⁵¹ несколькими годами раньше Хетчера предложил иное, более «внутреннее» прочтение «внутреннего колониализма», при котором колонизируемое население населяет не периферию, а центр, хотя и отличается от колонизаторов расовыми характеристиками. Речь идет о чернокожем меньшинстве США, борьба которого за свои права по времени (1960-е) совпала с деколонизацией в Африке, что и сделало популярной аналогией между «черной» внутренней колонией и «черными» внешними, заморскими колониями. Блаунер предлагает отойти от классового анализа, который сводит проблемы чернокожего населения к проблемам городской бедноты и сельскохозяйственных рабочих. «Колониальная ситуация отличается от классовой ситуации капитализма именно значимостью культуры как инструмента доминирования»⁵². Проблемы чернокожего меньшинства, как и проблемы русского крестьянского большинства, нельзя свести к классовым и экономическим категориям. Не менее важную роль здесь играет проблематика культурного доминирования.

В силу сходства колониальной ситуации параллели между американскими неграми и русскими крепостными крестьянами в Российской империи проводились неоднократно. А.Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Мо-

⁵⁰ Hechter M. Op. cit. P. 33.

⁵¹ См.: Blauner R. Internal colonialism and ghetto revolt // Social Problems. 1969. V. 16. №4. P. 393–408.

⁵² Blauner R. Racial Oppression in America. N. Y.: Harper & Row, 1972. P. 67.

скву» (1790) писал: «Вообрази себе, — говорил мне некогда мой друг, — что кофе, налитый в твоей чашке, и сахар, распущенный в оном, лишали покоя тебе подобного человека, что они были... причиною его слез, стенаний, казни и поругания... А вы, о жители Петербурга... когда рука ваша вознесет первый кусок хлеба, определенный на ваше насыщение... не то же ли я вам могу сказать о нем, что друг мой говорил мне о произведениях Америки?»⁵³. Подобная инверсия, когда простой хлеб превращается в экзотический колониальный продукт, производимый поработанным населением внутренней колонии — не выглядит чем-то необычным в контексте «смещенной» Российской империи.

«Под небом Африки моей вздыхать о сумрачной России» собирался Пушкин в «Евгении Онегине», хотя в глазах чернокожих американских интеллектуалов в самой «сумрачной России» было нечто «африканское», что сделало ее столь восприимчивой к творчеству правнука арапа Петра Великого. По словам Дж. А. Роджерса⁵⁴, африканское происхождение Пушкина как бы сблизило его с русскими «рабами», хотя «все эти рабы, тридцать миллионов, были белыми». Крепостная «мэмми», как Роджерс называет Арину Родионовну, открыла Пушкину устную народную традицию и достоинства языка, который до этого считался «языком прислуги». Другой аналогией, подмеченной на этот раз уже русскими критиками, явилась аналогия между «Хижиной дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу (1852) и очерками И.С. Тургенева «Записки охотника», первый из которых увидел свет в 1847 году. Оба этих произведения сыграли

значительную роль в освобождении — соответственно — американских рабов и крепостных крестьян⁵⁵, которое происходило практически одновременно.

Тексты Бичер-Стоу и Тургенева приоткрыли перед образованной публикой дотоле неизвестный ей мир «внутренней колонии», чье население, несмотря на угнетение и бесчеловечное обращение, сохраняло человеческое достоинство и обладало всем спектром человеческих чувств, в которых отказывали ему эксплуататоры. «С мужиком, как с куклой поступают: повертят, повертят, поломают да и бросят»⁵⁶, восклицает один из персонажей «Записок охотника». Колонизируемому населению сознательно приписывался статус куклы (внешне схожей с человеком, но лишенной полноценных человеческих качеств), вечного ребенка, который не может распорядиться собственной судьбой и поэтому нуждается в управлении. «С ними надобно обращаться, как с детьми. Невежество, *mon cher...*»⁵⁷ — говорит про своих крестьян помещик Пеночкин. (С европейским лоском колонизатора Пеночкин, инспектирующий «туземцев» своей деревни, периодически переходит на французский.) Неслучайно эта фраза открывает рассказ «Бурмистр», который выделяется на фоне других тургеневских очерков той откровенностью, с которой показано колониальное угнетение: физические наказания, крепостные, бросающие на колени перед помещиком — здесь по степени драматизма «Записки охотника» сближаются с «Хижиной дяди Тома». Приписываемая туземному населению «неполноценность» куклы и ребенка позво-

⁵³ Русская проза XVIII столетия. М.: Художественная литература, 1971. С. 487.

⁵⁴ Лоунсбери Э. Кровно связанный с расой: Пушкин в афро-американском контексте // Новое литературное обозрение. 1999. № 37. С. 229–251.

⁵⁵ Александр II признавался, что именно чтение «Записок охотника» во многом подтолкнуло его к решению об отмене крепостного права. См.: Козлов С.А. Указ. соч. С. 288.

⁵⁶ Тургенев И.С. Избранные произведения. М.: Детиздат, 1936. С. 80.

⁵⁷ Там же. С. 117.

ляет оправдать действия колонизаторов. «Африканский негр не жесток от природы, хотя его нечувствительность к боли <...> делает его равнодушным к страданию <...> Достоинства и недостатки этой расы те же, что присущи в массе детям, которые с доверием и без зависти относятся к людям старшего возраста, преклоняясь перед их мудростью и опытом»⁵⁸, — писал Фредерик Лугард, «апостол» британского колониализма.

«Рабы с белой кожей», обитающие во внутренних районах России (центральные губернии называли «цитаделью крепостничества»), но сосредоточенные не в отдельных гетто, а образующие сплошные массивы отсталого аграрного населения, как если бы неразвитая «кельтская окраина» помещалась в «английском ядре» — всё это позволяет расположить российский случай «внутреннего колониализма» где-то посередине между моделями Блаунера и Хетчера, за тем исключением, что в Российской империи колонизируемые и колонизаторы не отличались по этническому происхождению.

Разумеется, здесь встает вопрос о пределах применимости модели «внутреннего колониализма». Не проще ли описывать российский случай (а также и некоторые другие, к которым применялась эта модель)⁵⁹ не в колониаль-

ных, а, скажем, в чисто социальных и классовых категориях? В этом случае придется говорить не о колонизаторах и колонизируемых, а о помещиках и крестьянах, не о метрополии и внутренней колонии, а о городе и деревне. Однако в этой же терминологии, при желании, можно описать и «классические» колониальные ситуации. В подавляющем числе случаев туземное население живет в сельской местности, а немногочисленные европейские управленцы и их помощники из числа местных жителей связаны с городами, так что антиколониальное движение в странах Азии и Африки зачастую принимало характер противостояния города и деревни. Практически везде колониальная власть опиралась на местную знать, поощряя и укрепляя ее власть над остальным населением, что опять-таки не означает, что колониальный конфликт можно свести к конфликту классовому.

Социальные (классовые) и колониальные категории всегда взаимосвязаны, так что, отчасти под влиянием марксизма, исследователи действительно были склонны пренебрегать *спецификой*, присущей колониальным ситуациям, выдвигая на первый план

⁵⁸ *Lugard F.D.* The Dual Mandate in British Tropical Africa. L., Edinburg: William Blackwood and Sons, 1923. P. 69–70.

⁵⁹ Разумеется, понятие «внутренний колониализм», как и любое другое понятие, можно довести до абсурда его неоправданно широким применением. Возможно, именно этим был вызван спад интереса к данному понятию после повального увлечения им в 1970-х, эта модель объяснения в глазах многих исследователей начала обесмысливаться из-за чересчур широкого ее использования. Так, в качестве «внутренней колонии» некоторые интеллектуалы пытались представить даже депрессивные территории Аппалачских гор в США. См.: *Walls D.S.* Internal Colony or Internal

Periphery? A Critique of Current Models and an Alternative Formulation // Colonialism in Modern America; The Appalachian Case, ed. by H.M. Lewis, L. Johnson and D. Askins. Boone, North Carolina: Appalachian Consortium Press, 1978. P. 319–349. В Советском Союзе некоторые исследователи роль «внутренней колонии» отвели Эстонии, хотя она находилась в достаточно привилегированном положении. См.: *Mettam C.W., Williams S.W.* Internal colonialism and cultural divisions of labour in the Soviet Republic of Estonia // Nations and Nationalism. 1998. V. 4. №3. P. 363–388. Вообще литература, в которой затрагивается понятие «внутренний колониализм», крайне обширна. См. краткий обзор: *Hind R.J.* The Internal Colonial Concept // Comparative Studies in Society and History. 1984. V. 26. №3. P. 543–568.

экономическую, классовую составляющую. Так продолжалось до волны *postcolonial studies*, захлестнувшей западную мысль в 1970 г., но практически не затронувшей исследования в области российской истории⁶⁰. В рамках *postcolonial studies* упор был сделан именно на колониальной специфике, которая заключается в культурном доминировании управляющих над управляемыми. Да, культурная дистанция между различными стратами общества есть всегда: рабочий, крестьянин и городской интеллигент имеют разные культурные установки и осознают это. Колониальная ситуация же начинается тогда, когда имеющаяся культурная дистанция усугубляется или же сознательно конструируется, когда из нее выводят неспособность, неполноценность целой массы населения, которая становится в результате подобных манипуляций объектом усиленной эксплуатации, надзора и попечения со стороны немногочисленной прослойки, назначившей себя на роль «более культурного» воспитателя «вечных детей». Подобная ситуация и сложилась в XVIII–XIX вв. в Центральной России, так что нет никакого противоречия в том, чтобы сплошные массивы крестьянского населения центральных губерний называть внутренней колонией. Не стоит опасаться, что это размоет понятие «колониализм»: если русские крестьяне оказались в Российской империи примерно на том же положении, что индийские крестьяне в Британской империи, то это должно заставить задуматься не о границах понятия как такового, а об

особенностях различных имперских моделей.

Можно возразить: процессы, описываемые понятием «внутренний колониализм», на первый взгляд имели место не только в России, но и в других европейских странах, что делает его довольно бессодержательным. Действительно, капиталистическое развитие практически везде оказывает негативное влияние на целые массы сельского населения⁶¹ (подобно огораживаниям в Англии) и может сопровождаться насилием, напоминая колониальные эксцессы, а выравнивание уровня развития различных регионов в рамках единой страны может иметь сходство с колонизацией. На это указывал Юджин Вебер в своей знаменитой книге «Из крестьян во французы». Так, в XIX в. некоторые французские регионы сравнивали с «африканской Сахарой». В глазах наблюдателей поселения сборщиков смолы недалеко от Аркашена (город на юго-западе Франции) представлялись «хижинами, собранными под флагом Республики на каких-то африканских землях». А известный французский журналист Виктор Ардуэн-Дюмазе в 1890 г. подмечал «интересные параллели между нынешней колонизацией Туниса и работой, предпринимаемой в Солони (Sologne — регион в центре Франции. — А.Х.). В Солони, как и в Тунисе, капиталисты сыграли важную роль»⁶².

Колониальная метафора и в самом деле может быть весьма универсальной (и потому малоинформативной), но это не значит, что она одинаково

⁶⁰ Важным исключением являются статьи Александра Эткина. В настоящей работе отчасти развиваются именно его идеи. См.: Эткин А. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое // Новое литературное обозрение. 2001. № 49. С. 50–74. *Его же*: Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 265–299.

⁶¹ Так, о «внутреннем колониализме» применительно к отношениям аграрного Юга Италии и промышленного, урбанизированного итальянского Севера писал Антонио Грамши в своих заметках о «южном вопросе».

⁶² Weber E. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914. Stanford: Stanford university press, 1976. P. 488–489.

поверхностна за пределами «классических» колониальных ситуаций. Чтобы понять это, достаточно чуть на более глубоком уровне сопоставить аграрную историю той же Франции (или других западноевропейских стран) и Центральной России.

Конструируя общину: насаждение первобытности

К тому времени, как Ардуэн-Дюмазе, путешествуя по сельской глубинке, в своих заметках сопоставляет Тунис и Солонь, подавляющее число французских крестьян было мелкими (и очень мелкими) собственниками, а сельская община (вместе с такими пережитками, как общинные угодья и обязательный севооборот) была окончательно подорвана уже в середине XIX в. Еще столетие назад декрет от 10 июня 1793 г. предоставлял решать судьбу общинной собственности («чудовища, которое надо поскорее уничтожить»), по словам одного из членов Конвента) собранию членов общины: 2/3 голосов мужчин и женщин, достигших 25-летнего возраста, было достаточно, чтобы принять решение о подушном разделе⁶³.

Какой контраст по сравнению с Центральной Россией, где власти вплоть до начала столыпинских реформ в 1906 г. настойчиво *консервировали* сельскую общину и общинное землепользование у крестьян!⁶⁴ «В XIX

веке во всех европейских странах, кроме России, почти вся земельная территория находилась в индивидуальном владении и лишь сравнительно ничтожные клочки земли оставались у государства, городов, деревень. В России же, наоборот, коллективная земельная собственность составляла общее правило, а личная — исключение»⁶⁵. Если во Франции и других западноевропейских странах имела место всесторонняя *модернизация*, охватывающая массы крестьянства и сопровождающаяся, в числе прочего, развитием поземельной собственности и кредита, то в великорусских губерниях Российской империи процесс модернизации

предлогом, что «крестьяне не смогут умело распорядиться своей собственностью, их нельзя бросать на произвол свободного кредитного рынка» (с. 106) и что они «нуждаются в неусыпном надзоре государственных учреждений и некрестьянской по своему составу администрации» (с. 121). Крестьянам навязывалась «недееспособность», чтобы оправдать доминирование в деревне специалистов из числа образованных горожан. В качестве суррогата полноценного кредитного рынка среди крестьян насаждались кооперативы, контролируемые агрономами, назначаемыми земством или правительством (в отличие от западных стран, где агрономов приглашали сами крестьяне — с. 168). Специалисты-агрономы, ссылаясь на «отсталость» крестьян, присваивали себе значительные полномочия, как это происходило и в африканских колониях. Как отмечал Джеймс Скотт, «отправной точкой колониальной политики была абсолютная вера в то, что чиновники считали «научным сельским хозяйством», и полный скептицизм относительно существующих аграрных методов африканцев... Это оправдывало значительность и полномочия аграрных специалистов перед простыми практиками» (Скотт Д. Благими намерениями государства. М.: Университетская книга, 2005. С. 358).

⁶⁵ Соловьев В.Ю. Русская крестьянская община Поволжья в 1861–1900 годы. Саратов: Изд. центр ГГСЭУ, 2008. С. 138.

⁶³ Собыль А. Из истории Великой буржуазной революции 1789–1794 годов и революции 1848 года во Франции. М.: Иностранная литература, 1960. С. 192, 195.

⁶⁴ Но и после 1906 г., как показывает в упомянутой выше книге Я. Коцонис, представители крестьянского сословия не получили возможности свободно распоряжаться земельной собственностью, так как крестьяне не могли брать кредиты под залог своих участков (с риском потерять их в случае неплатежеспособности). Власти настаивали на сохранении законодательства, запрещающего отчуждать крестьянские наделы, под тем

был двойственным. С одной стороны, модернизировалась инфраструктура (создание фабрик, строительство железных дорог), которые так или иначе предпринимали все империи в своих колониях, с другой стороны — насаждались *архаичные* социальные институты в интересах «стабильности» колониального режима. Схожая ситуация наблюдалась в Британской Индии, где, на фоне масштабного железнодорожного строительства и паллиативных мер по развитию образования и здравоохранения, метрополия закрепляла власть в руках консервативных местных элит и препятствовала развитию свободного земельного рынка. «Стабильность, простота контроля, дешевизна управления ценились превыше всего. Политика, которая угрожала стабильности, пусть даже она имела цель повысить управленческую и экономическую эффективность, отбрасывалась»⁶⁶.

Этими же мотивами руководствовалась и царская власть, всё XIX столетие укреплявшая сельскую общину. Законами от 8 июня и 14 декабря 1893 г. был отменен пункт 165 «Положения о выкупе» 19 февраля 1861 года, позволявший крестьянам после внесения всей суммы выкупных платежей требовать выделения индивидуальных земельных участков. Этого требовал еще в 1860-х гг. славянофил и горячий поклонник передельной общины Ю.Ф. Самарин, один из авторов крестьянской реформы. Казалось бы, если даже тогда подобное требование, основанное на идеализации архаичного общинного порядка, не было удовлетворено, то почему это стало возможным спустя 30 лет? Дело в том, что все эти годы шел процесс внутренней «ориентализации»: образованная публика *конструировала* образ отсталого, чуждого индивидуальному началу, общинного великорусского крестьянина. Если к началу 1860-х пере-

дельная крестьянская община была чуть ли не «открытием»⁶⁷ небольшой группы интеллектуалов, то спустя два десятилетия она уже являлась (в глазах просвещенной общественности и правящей верхушки) неким самоочевидным, неотъемлемым атрибутом, присущим основной массе русского населения Центральной России. Как в 1856 г. писал историк-славянофил И.Д. Беляев, причина сохранения общины заключается «не в хозяйственной цели, а лежит гораздо глубже, а именно, в самом духе народа, в складе русского ума, который не любит и не понимает жизни вне общины»⁶⁸. Подобное заключение, напоминающее самонадеянные обобщения европейских колонизаторов относительно свойств «туземного ума», дало правительству основания для манипуляции великорусским крестьянским большинством.

Правящие круги сознательно конструировали образ великорусского крестьянина, неспособного быть индивидуальным собственником, неразвитого, неполноценного и потому нуждающегося в опеке со стороны патриархальной общины. Фредерик Лугард писал про население африканских колоний: «В коммунократическом обществе, в котором африканец родился и вырос, индивид — ничто. Его психологическое мироощущение стадное. Его земля, его пища, сама его жизнь, по аналогии с ульем, является собственностью общины, которая используется и приносится в жертву без всякого представления об индивидуальной принадлежности. Когда комму-

⁶⁷ К 1855 г. в России было опубликовано всего 5 работ, посвященных общине, к 1880-му — уже 546. См.: *Христофоров И.А.* Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М.: Собрание, 2011. С. 24.

⁶⁸ *Беляев И.Д.* Обзор исторического развития сельской общины в России. Соч. Б. Черина. Разбор И.Д. Беляева. М., 1856. С. 15.

нократические связи рвутся и он обнаруживает, что имеет дело только со своей персоной, тогда нет ничего, что бы ограничивало его импульсивные порывы»⁶⁹. Подобно африканскому туземцу, великорусский крестьянин в представлении царской администрации был не способен распоряжаться собой, так что лишь сохранение «традиционной» общины (а в случае Африки — сохранение «традиционных» племенных структур) могло предохранить его от «импульсивных порывов».

Примечательно, что пальма первенства в плане изобретения «общинности» как особой характеристики русского характера принадлежит не славянофилам⁷⁰, что было подмечено уже в XIX веке. «Характерно, что родоначальником идеалистического направления об общине является иностранец — барон Гакстгаузен»⁷¹. Немецкий экономист Август фон Гакстгаузен, продолжая традиции других европейских исследователей, которые, начиная с Петра I, приглашались российскими императорами для того, чтобы исследовать колонизируемые пространства империи, в 1843 г. на средства царского правительства предпринял длительную поездку по Центральной России. В 1847 г. вышло трехтомное немецкое издание путевых заметок барона и их французский перевод, опять же профинансированный российской казной. Книга Гакстгаузена оказала значительное влияние на представления западных интеллектуалов о внутренней России⁷². Образ вну-

тренней России, утвердившийся в Европе (характерно, что царское правительство было изначально ориентировано именно на западного читателя: сокращенный русский перевод двух томов сочинения Гакстгаузена вышел только в 1870 г.), определил и представления европейски-образованной русской элиты о собственном народе.

Если в Германии того времени олицетворением крестьянского духа был Grossbauer⁷³, крепкий крестьянский хозяйственник, то на роль символа великорусского крестьянства Гакстгаузен назначил передельную общину. Он рассуждал следующим образом: «ев-

многом опираясь на него, архаизирует русское крестьянство Карл Маркс. В набросках ответа на письмо В.И. Засулич он неоднократно сравнивает Россию с Ост-Индией, оговариваясь, впрочем, что Россия при этом «не является добычей чужеземного завоевателя» (вот она, ситуация внутреннего колониализма — колониальный статус при формальном отсутствии «чужеземного завоевателя»). К такому сближению Маркса подталкивает постулируемая им архаичность русского крестьянства. «Историческое положение русской “сельской общины” не имеет себе подобных! В Европе она одна сохранилась не в виде рассеянных обломков, наподобие тех редких явлений и мелких курьезов, обломков первобытного типа, которые еще недавно встречались на Западе, но как чуть ли не господствующая форма народной жизни на протяжении огромной империи» (*К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1961. С. 406.*) Впрочем, эту фразу Маркс вычеркнул, видимо, посчитав, что низводит современную Россию на уровень германских общин времен Тацита, о которых он пишет несколькими абзацами выше, было бы всё-таки слишком большим упрощением. Однако сравнение России с Ост-Индией, где община этого же, описанного Тацитом, типа, согласно Марксу, встречается до сих пор «в качестве последнего этапа архаической формации», в тексте наброска осталось.

⁶⁹ Цит. по: Британская империя в XX веке / Под ред. А.М. Пегушева, Е.Ю. Сергеева. М.: Институт всеобщей истории РАН. С. 256.

⁷⁰ См.: *Dennison T.K., Carus A.W. The invention of the Russian rural commune: Haxthausen and the Evidence // The Historical Journal. 2003. V. 46. № 3. P. 561–582.*

⁷¹ *Бржеский Н.К. Общинный быт и хозяйственная необеспеченность крестьян. СПб., 1899. С. 2.*

⁷² Например, вслед за Гакстгаузенем и во

⁷³ См.: *Христофоров И.А. Указ. соч. С. 87.*

ропейская цивилизация усвоена только высшими классами России», но она «не проникла в нижние слои, а потому отнюдь не могла существенно изменить ее сельских учреждений». В силу этого разрыва между «высшими слоями, которые получают западноевропейское образование», и «нижними слоями русского народа» нравы и обычаи, семейная и общинная жизнь последних сохранили характер «первобытных народных учреждений»⁷⁴. Поэтому великорусский общинный «принцип равного деления по душам — первобытный славянский принцип, он происходит из древнейшего принципа славянского права...»⁷⁵. Таким образом, русское крестьянство в силу особенностей своего народного характера как бы выпало из истории и застыло на той первобытной ступени развития, которую другие европейские народы давно преодолели. «Первобытный принцип и развитие поземельных отношений у этих славянских народов (Сербия, Босния, Болгария, Россия. — А.Х.), не тронутых новой европейской культурой, глубоко различны от тех же отношений у остальных народов»⁷⁶.

При этом Гакстгаузен, восхваляя, как истинный представитель европейского романтизма, самобытные и архаичные учреждения русского народа, подобно тому как восторгались романтики нравами не испорченных цивилизацией дикарей, тем не менее далек от их идеализации. «Неподалеку от одной деревни мы увидели массу людей, занятую разрушением загородки. Мы услышали, что делалось это по мирскому приговору. Один член общины возымел дерзость огородить свой выгон. Община пригласила его к ответу, он не явился и скрылся,

из страха телесного наказания. Тогда община прежде всего определила разобрать незаконную изгородь. “Мир положил”, объяснил нам ямщик. Везде в России выступает деспотическая власть общины, всякий склоняется перед ней»⁷⁷.

Подобные картины практически в это же время можно было наблюдать и во Франции, где во время аграрных беспорядков 1849 г. «бедные крестьяне вновь захватывали прежние общинные угодья, ломали изгороди, воздвигнутые в знак их присвоения, и выгоняли свой скот на отчужденные пастбища»⁷⁸. Но во Франции из подобных инцидентов, которые сопровождали отмирание сельской общины, никто не делал обобщений относительно особого склада «французского ума». Напротив, в России заключение о том, что русскому народу чуждо понятие индивидуальной земельной собственности, легло в основу крестьянской реформы 1861 г. и являлось идеологией правительства вплоть до начала XX в.

Следуя за Гакстгаузенем и его последователями-славянофилами, чиновники подчеркивали принципиальное различие между русскими и западноевропейскими крестьянами, которые уже давно встали на путь развития индивидуальной земельной собственности. Так как сам правящий класс относил себя именно к европейской цивилизации, то подобная культурная дистанция, которой чиновники отделили русских крестьян от Европы под предлогом заботы об их самобытности, одновременно была средством колониальной эксплуатации, позволявшей насаждать те институты, которые были выгодны самодержавию и служили его фискальным интересам. В записке Главного комитета об устройстве сельского состояния (1869) порицались рассуждения о том, что «участковое землевладение, освящен-

⁷⁴ Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М.: Изд. А.И. Рагозин, 1870. С. XVI.

⁷⁵ Там же. С. 78.

⁷⁶ Там же. С. XVII.

⁷⁷ Там же. С. 167.

⁷⁸ Собуль А. Указ. соч. С. 225.

ное авторитетом Западной Европы, совершеннее нашей великорусской общины...», хотя, как считали чиновники, «в сознании русского человека участковое землевладение отнюдь не представляется совершеннейшим»⁷⁹.

В 1856 г. оппонировать этой колониальной логике попытался Б.Н. Чичерин. Он вопрошал: «На каком основании можем мы полагать, что общинный быт более вытекает из духа русского, нежели из французского, немецкого, английского, итальянского?»⁸⁰, тем самым ставя под вопрос культурную неполноценность и незрелость, приписывавшуюся европейски-образованной элите колонизируемому русскому большинству. Чичерин оппонировал прежде всего барону Гакстгаузену, который обнаружил у русских первобытную общину, много столетий назад изжитую в остальной Европе. Подобно европейским колонизаторам, описывавшим покоренное туземное население как навсегда застрявшее в первобытном детстве, русские представлялись Гакстгаузену выпавшими из истории. Чичерин возражал на это: «Неужели, как утверждает барон Гакстгаузен, русская история играла только на поверхности народа, не касаясь низших классов народонаселения, которые остались донныне при своих первобытных гражданских учреждениях?»⁸¹

Основной аргумент Чичерина состоял в том, что современная передельная община Центральной России является не артефактом первобытных времен, а новейшим изобретением, окончательно сложившимся совсем недавно, во второй половине XVIII в., при Екатерине II. «Наша сельская община вовсе не патриархальная, не родовая, а государственная. Она не образовалась

сама собою из естественного союза людей, а устроена правительством, под непосредственным влиянием государственных начал»⁸². До XVIII в., согласно Чичерину, великорусское население знало подворную общину, ничем принципиально не отличавшуюся от земельных общин, существовавших в это же время в европейских странах, поэтому русских нельзя причислять к неисторическим неевропейским народам, нуждающимся в колонизации. «Наша община не остановилась на той ступени общественного развития, на какой стояла община германская во времена Тацита, она не похожа... на другие патриархальные общины полудиких народов Азии и Африки... Учреждения наших общин суть произведения нового времени, и сравнивать их с патриархальными общинами других народов, значит отрицать в нас историческое развитие»⁸³.

«Indirect rule» в русской деревне.

Аргументы Чичерина услышаны не были, и уже к моменту проведения крестьянской реформы 1861 г. образованная прослойка прочно уверовала в «общинность» русского народа, сделав передельную общину краеугольным камнем системы управления русским крестьянским большинством. Вместо того чтобы стать полноценными гражданами, наделенными индивидуальной ответственностью, крестьяне были освобождены из-под надзора помещиков и переданы под надзор сельской общины. Обращение к этому архаичному институту было продиктовано типичной колониальной логикой *косвенного управления* (indirect rule). В силу своей немногочисленности европейские колонизаторы не в состоянии управлять превосходящей массой туземного населения и потому вынуждены перекладывать функции непосредственного контроля на само мест-

⁷⁹ Цит. по: Христофоров И.А. Указ. соч. С. 255.

⁸⁰ Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 116.

⁸¹ Там же. С. 7.

⁸² Там же. С. 57.

⁸³ Там же. С. 58.

ное население (на племенных вождях, эмиров, на общинных старейшин). Туземная администрация, туземная полиция, туземный суд, руководствующийся особым, местным правом, в колониях на низовом уровне фактически берут на себя все те функции, которые в европейских странах берет на себя централизованное государство.

Помимо соображений «стабильности», иллюзию которой дает управление колонизируемым населением через его собственные, «традиционные» институты, не менее важным преимуществом косвенного управления в глазах колонизаторов является его *дешевизна*. Колониальная администрация, вместо того чтобы оплачивать труд большого числа мелких чиновников, пользуется бесплатными услугами местных старейшин и общин (они бесплатны лишь для колонизаторов, но не для самого местного населения). «Доходы местной администрации не входят в число доходов и расходов колониального бюджета и не зависят от колониального благосостояния и аудита. Надлежащее расходование значительных сумм, собираемых как налоги, установленные сюзереном, должно зависеть частично от способностей туземного правителя и частично от резидента, помогающего ему советами»⁸⁴. Все налоги, как пишет Лугард, устанавливает сюзерен в лице верховной колониальной власти, а туземная администрация ответственна лишь за их сбор с местного населения. При этом колонизаторов волнует только та часть налогов, которая должна поступить в колониальный бюджет. Как распоряжаются туземные начальники остальной суммой и что вообще происходит на низовом уровне — это волнует колониальную власть гораздо меньше, поэтому колонизаторы предпочитают взаимодействовать лишь с туземным начальством, не вмешиваясь в процессы, происходящие на низовом уровне.

В Российской империи в качестве низовой туземной администрации выступало выборное волостное начальство, которое содержалось самими крестьянами за счет мирских сборов, которые не поступали в казну, а хранились в волостных правлениях (в 1847 г., например, мирской сбор составлял 13,9% всех собираемых податей)⁸⁵. «Волостной писарь — это связующее звено крестьянства со всеми и всем, что похоже на начальство; все, что имеет что-нибудь приказать, предписать, объяснить, объявить, все, кто нуждается в какой-нибудь справке или цифре — все эти и всё это обращается в волость, т.е. к волостному писарю, как единственному источнику, могущему доставить всё необходимое»⁸⁶. На низовом уровне действовала вспомогательная полиция в лице десятских и сотских, в чьи обязанности входило конвоировать арестантов и дежурить у станового пристава. Расходы крестьян, несущих полицейскую повинность, также компенсировались из мирских сборов (хотя в 1888 г. всего 12,5% из них получали хоть какое-то жалованье)⁸⁷.

Волость складывалась из сельских общин, которые были ключевым элементом всей системы управления в Российской империи. До реформы 1861 г. община играла центральную роль в управлении государственными крестьянами, все ее члены несли коллективную ответственность за исправное поступление податей (круговая порука). За взыскание государственных

⁸⁵ *Неупокоев В.И.* Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII — начале XIX века. М.: Наука, 1987. С. 187.

⁸⁶ *Астырев Н.М.* В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М.: Русская мысль, 1896. С. 147–148.

⁸⁷ *Анфимов А.М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России, 1881–1904 гг. М.: Наука, 1984. С. 124.

податей с помещичьих крестьян были ответственны (с 1769 г.) их владельцы. За недоимки среди государственных крестьян выборное крестьянское начальство подвергалось аресту и взысканиям, за недоимки среди помещичьих — дворянам грозил секвестр их сел. Таким образом, государство, в полном соответствии с принципами косвенного управления, полностью устранилось от сбора налогов. Практически все функции низового администрирования были переданы общине или помещикам. Помещики, согласно известной фразе, приписываемой Николаю I, играли роль «ста тысяч бесплатных полицмейстеров». После отмены крепостного права эта функция среди помещичьих крестьян, как и среди государственных, окончательно перешла к общине.

После 1861 г. имело место «возложение на общину, в лице сельского схода, несвойственных ей обязанностей по наблюдению за исправным поступлением податей, по взыскиванию недоимок и по устройству податного счетоводства»⁸⁸. Российское государство не хотело и не имело возможности иметь дело с индивидуальным обложением каждого крестьянина, подати возлагались на общину в целом, и далее уже она сама раскладывала повинности среди отдельных домохозяйств, что вело к массе нареканий и злоупотреблений. Крестьянин, приписанный к общине и лишенный возможности из нее выйти, фактически выпадал из правового поля. «Проживая в общине... крестьянин превращается в “мужика”... В качестве члена общины крестьянин должен довольствоваться упрощенными формами гражданского быта: вместо писанного, незыблемого закона — обычай, выразителем которого является сельский сход... вместо самоуправления — произвол и злоупотребления волостных писарей... вместо суда, строго и справедливо при-

меняющего одинаковую для всех норму закона ко всем случаям правонарушения, — суд... руководящийся всё тем же неуловимым обычаем и... склонный прибегать к телесным наказаниям даже за неплатеж сборов»⁸⁹.

То, что крестьяне были отданы на откуп неэффективным и внеправовым институтам, оправдывалось сознательной архаизацией русского большинства (раз крестьяне — это «вечные дети», то для них общины вполне достаточно), а усилиями образованной элиты община подавалась как исконный, традиционный атрибут быта русского крестьянина. Нечто подобное происходило и в европейских колониях. Колониальные власти отдавали себе отчет в коррупции и неэффективности, присущей туземным правителям, и всё же подчеркивали необходимость сохранения статус-кво. Подчеркнутая «традиционность» институтов косвенного управления, за которые цеплялись колонизаторы из соображений стабильности и дешевизны, должна была примирить население с их неэффективностью. Проблема в том, что сама эта «традиционность» зачастую была изобретением колониальных властей, которые в угоду собственным интересам кардинально перестроили всю систему местных институтов.

Применительно к российской внутренней колонии впервые вопрос об этом поднял Б.Н. Чичерин, увидевший в передельной крестьянской общине изобретение XVIII в., сконструированное государством в фискальных целях. К аналогичным выводам, только на африканском материале, пришли многие исследователи относительно племенных структур, на которые опирались колониальные власти. Трайбализм, якобы присущий африканскому сознанию, во многом является изобретением самих колонизаторов. Колонизаторы считали, что каждый африканец по определению должен быть

⁸⁸ Бржеский Н.К. Общинный быт... С. VIII.

⁸⁹ Там же. С. 78–79.

членом какого-либо племени, а у каждого племени должен быть единственный вождь, избираемый из его членов. «Правильно управлять колонией Золотой Берег можно, только действуя через вождей»⁹⁰, как говорил ее губернатор С. Роув. Вождь племени должен отвечать перед колониальными властями за сбор налогов и поддержание порядка, а племя в целом должно нести коллективную ответственность за такие преступления, как кражи скота. Споры между членами племени и мелкие правонарушения должен разбирать племенной суд согласно местным обычаям.

Проблема заключалась в том, что и племена, и их вожди, и племенные суды были учреждены (причем достаточно поздно, в 1920-х гг.) самой колониальной властью сообразно ее собственным представлениям о «традиционных институтах» туземного общества, которые слабо соотносились с реальностью. «Мы всячески стараемся насаждать вождей там, где их никогда раньше не было»⁹¹, — сетует окруж-

⁹⁰ Мазов С.В. Региональный фактор в колониальной трансформации института вождей Ганы (1900–1939) // Колониализм и антиколониализм в Африке. Сборник научных трудов / Отв. ред. Н.И. Кирей. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1992. С. 50–74.

⁹¹ Ачебе Ч. Стрела бога. Человек из народа. М.: Радуга, 1983. С. 48. В романе цитируется циркуляр губернатора провинции, который читает Уинтерботтом. В нем говорится о «насушной необходимости безотлагательного создания эффективной системы “косвенного управления”, основанной на туземных институтах... Таким путем мы будем постоянно привлекать на свою сторону подлинную силу народного духа, вместо того чтобы до основания уничтожать всё туземное и пытаться строить заново на пустом месте. Мы не должны разрушать африканскую атмосферу, африканское сознание, все основы африканской расы...» (с. 65–66). Подобные рассуждения очень напоминают убежденность

ной комиссар Уинтерботтом в романе Чинуа Ачебе «Стрела бога», в котором описываются реалии «косвенного управления» в Восточной Нигерии, где Лугард реализовывал свои идеи на практике. Африканцы до прихода колонизаторов зачастую не знали племен, сформированных по этнотерриториальному принципу, во главе которых стояли бы вожди. Например, жители, населявшие верховья Замбези, соотносили себя не с племенами и их вождями, а матрилинейными кланами, которые не имели формальных лидеров⁹². В большинстве языков Южной Африки даже не было самого слова «племя»⁹³.

Внутренняя колонизация и внешнеполитическая активность

Передельная община, отличавшая великорусский центр, была прямым следствием его интенсивной колониальной эксплуатации. Крестьянское население окраин Российской империи, Малороссии и Прибалтики знало лишь подворную общину, состоящую из общинных угодий и наделов, находящихся в постоянном, наследственном пользовании. Периодические переделы земли в соответствии со жребием там были неизвестны. Если подворная община была наследием феодализма, типичным для всей Европы, то передельная была создана колониальными методами управления.

Сходство великорусской передельной общины с передельными общинами, существующими в европейских ко-

бюрократов Российской империи в необходимости укрепления сельской общины под предлогом ее «традиционности» и соответствия «народному духу».

⁹² The Creation of Tribalism in Southern Africa / Ed. by L. Vail. L., Berkeley: Currey University of California Press, 1989. P. 373.

⁹³ Mafeje A. The Ideology of Tribalism // Journal of Modern African Studies. 1971. V. 9. №2. P. 253–261.

лониях, заметил еще Макс Вебер. «На таком же (как и в великорусской общине. — А.Х.) начале круговой ответственности покоилось хозяйство голландской ост-индской компании в ее владениях. Она возлагала на *Desa*, т.е. общину, круговую поруку по внесению подати рисом и табаком. Последствием такого обязательства было то, что община принуждала отдельных лиц оставаться в деревне, чтобы помогать остальным уплатить налог»⁹⁴. «В *десе* не урегулированы ни самый факт, ни долговременность владения участком, доставшимся на долю поселянина, который уже в следующем году, при новом разделе грунта, может лишиться своей земли»⁹⁵. Вебер прямо связывает существование передельной общины с режимом косвенного управления: «Государство передавало непосредственную эксплуатацию колоний частным торговым компаниям (примеры: британская Ост-индская и голландская Ост-индская компании). Тогда вожди делались носителями круговой ответственности, а первоначально свободные крестьяне становились их крепостными, развивалось обязательное земледелие, земельная община, право и обязанность переделов»⁹⁶.

Переделы в великорусской общине были обусловлены необходимостью уплаты подушной подати, которую Петр I в 1724 г. ввел в великорусских губерниях вместо подворной (через 60 лет, в 1783 г., она была наконец распространена на Малороссию и Прибалтику). Подушные подати налагались не на каждое лицо (или домохозяйство) в отдельности, а на общину в целом, в соответствии с количеством ревизских душ, относящихся к ней согласно последней ревизской сказке. Внутри самой общины подати раскла-

дывались уже по усмотрению самих крестьян, власть в этот процесс не вмешивалась и никак его не регламентировала, ее интересовало только отсутствие недоимок, за которые несла ответственность опять-таки вся община. Передел происходил при очередной ревизии, когда община перераспределяла все платежи и всю свою землю в соответствии с уточненным числом ревизских мужских душ. Именно ревизская разверстка и круговая порука в выплате податей стали отправной точкой эволюции передельной общины, которая сохранялась некоторое время и после прекращения ревизий и отмены подушной подати в 1887 г.

Примечательно, что размер подушного оклада был выведен Петром I из общей суммы, необходимой для содержания армии⁹⁷. Здесь мы подходим к ключевому моменту, позволяющему объяснить специфику Российской империи, в рамках которой Центральная Россия, номинальная метрополия, превратилась во внутреннюю колонию. С начала XVIII в. руководство русского государства захотело сделаться полноценным игроком на международной арене, способным конкурировать с европейскими странами (пресловутое «прорубить окно в Европу»). Этот процесс начался с затяжной войны со Швецией (1700–1721), одной из наиболее развитых европейских держав своего времени, продолжилась масштабным участием России в Семилетней войне (1757–1762). Грандиозные геополитические замыслы подталкивали российских монархов к всё возрастающей внешнеполитической активности и ко всё новым войнам: «греческий проект» Екатерины II и русско-турецкие войны (1768–1774; 1787–1792), вовлеченность России в наполеоновские войны (1805–1814) и Александр I с его идеей «Священного союза», Александр II (взятие Константинополя, освобождение славян)

⁹⁴ Вебер М. История хозяйства. Биржа и ее значение. М.: Гиперборей, Кучково поле, 2007. С. 42.

⁹⁵ Бакунин М.М. Указ. соч. С. 243.

⁹⁶ Вебер М. Указ. соч. С. 76.

⁹⁷ Неумоков В.И. Указ. соч. С. 22.

и русско-турецкая война 1877–1878 годов. В этот список стоит включить и многолетнюю, крайне дорогостоящую Кавказскую войну (формально закончилась в 1864 г.), а также другие проявления имперского экспансионизма.

Вся эта внешнеполитическая и имперская активность, зачастую не приносившая сколько-нибудь существенных выгод (кроме морального удовлетворения и «воинской славы» для образованной элиты), оборачивалась постепенным усилением эксплуатации российского населения, основную массу которого составляло великорусское крестьянство Центральной России. Так, чтобы покрыть расходы прошедшей русско-турецкой войны, Екатерина II в 1794 г. в 18 губерниях подняла подушную подать в 1,5 раза — с 70 коп. до 1 руб.⁹⁸, Александр I с 1810 по 1818 г. увеличил ее в 2,5 раза (с 1 руб. 26 коп. до 3 руб. 30 коп.)⁹⁹, чтобы компенсировать многочисленные расходы. Великорусский центр не только содержал армию, но и поставлял в нее солдат, на великорусских крестьян легла основная тяжесть рекрутской повинности (она не распространялась на Польшу, Финляндию, Бессарабию). С введением всеобщей воинской повинности от нее было вплоть до Первой мировой войны освобождено большинство инородческого населения Российской империи.

В условиях общей отсталости Российской империя могла в военном отношении конкурировать с более развитыми европейскими державами только за счет сверхэксплуатации внутренних ресурсов. Вместо того чтобы пускать эти ресурсы на модернизацию экономики и инфраструктуры, российские правители растрачивали их на внешнеполитическую активность¹⁰⁰. «Рус-

скому государству постоянно требовались огромные средства для укрепления вооруженных сил и ведения активной внешней политики. Эти средства могло бы дать население, если бы оно имело их благодаря хорошо развитой экономике. В условиях отсталой сравнительно с западноевропейскими странами экономики лишь чрезвычайная государственная эксплуатация населения могла обеспечить необходимые средства»¹⁰¹. Именно такой чрезвычайный характер эксплуатации населения Центральной России, связанный с имперскими амбициями образованной элиты, и превратил ее во «внутреннюю колонию». Да, нести имперское бремя было тяжело для всех европейских метрополий (об этом мы говорили в начале статьи), но в сочетании с общей экономической отсталостью России это бремя оказалось не просто тяжким, оно вылилось во «внутренний колониализм».

В западноевропейских державах имперские расходы позволяла покрывать развитая экономика: рыночный спрос и разветвленные пути сообщения стимулируют увеличение производительности труда, что, в свою очередь, позволяет собирать больше налогов без ущерба для населения. Когда же большинство населения живет в условиях, близких к натуральному хозяйству, собираемость налогов можно резко поднять только за счет грубого принуждения и еще большей архаизации социальных институтов. В итоге средства на содержание армии европейского образца из великорусского крестьянства «выколачивали» вполне колониальными методами: через закрепощение крестьян и усиление вла-

зации, как Германия в первой половине или Япония во второй половине XIX в. Однако на путь имперской экспансии и Германия, и Япония встали лишь после завершения модернизации, в то время как, начиная с Петра I, Россия решала эти задачи одновременно.

¹⁰¹ *Мифонов Б.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 371.

⁹⁸ Там же. С. 25.

⁹⁹ Там же. С. 31.

¹⁰⁰ В мировой истории существуют примеры, когда будущие региональные сверхдержавы оказывались в ситуации догоняющей (по отношению к Западной Европе) модерни-

сти помещиков (так и Британская Ост-индская компания передавала земли с крестьянами владельцам-заминдарам, обязанным за это собирать с них подати) и через насаждение передельной общины и круговой поруки.

Народники как пионеры антиколониального движения

Ответом на колониальную эксплуатацию было возникновение в России антиколониального «народнического» движения (1850–1880-е гг.), которое своей риторикой и задачами предвосхитило аналогичные движения XX в. в странах Третьего мира. Желание «служить простому народу», которое с середины XIX столетия охватило в России самые широкие слои городской интеллигенции, учащихся, журналистов, мелких служащих и отдельных представителей аристократии и принимало самые разные формы (от просветительских «хождений в народ» до народовольческого терроризма), типологически очень напоминает пробуждение туземной интеллигенции в европейских колониях. В Азии и Африке, как и в Центральной России, во главе антиколониальных движений вставала городская европейски образованная местная интеллигенция, выпускники миссионерских школ и военных академий, выпавшие из традиционного, племенного сельского общества, но не сумевшие полноценно встроиться в колониальную систему.

Туземная интеллигенция, осознавшая необходимость антиколониальной борьбы, начинает задумываться о «возвращении к истокам», призывает освободиться от европейского лоска и стать ближе к «простому народу»¹⁰²,

¹⁰² Навязчивое противопоставление «интеллигенции» и «народа», столь характерное для российской истории, очевидно, имеет колониальное происхождение. Усвоив европеизированную колониальную культуру и оторвавшись от эксплуатируемого населения «внутренней колонии», российская ин-

к его «общинному духу». Как писал в 1960-х гг. ведущий идеолог антиколониализма Франц Фанон, выходец с французской Мартиники и участник алжирского движения борьбы за независимость, «местный интеллигент, у которого с началом борьбы за свободу появилась возможность вернуться к народу», первым делом должен отбросить индивидуализм, который «колониальная буржуазия прочно вбила в его сознание». «Интеллигент, покрытый пылью колониальной культуры, будет... открывать для себя ценность деревенских собраний, тесную сплоченность народных комитетов и невероятную продуктивность работы местных собраний»¹⁰³. Народники также были очарованы «мужицким самоуправлением», романтикой деревенского схода, они всеми силами старались приблизиться к «простому народу». Как провозглашала газета «Земля и Воля», «успешна будет наша работа в народе, если мы действительно ста-

телигенция постоянно испытывала по отношению к нему одновременно чувство восторга, вины, презрения и страха. Как отмечал М.О. Гершензон в сборнике «Вехи», который фактически целиком строится вокруг этого противопоставления: «каковы мы (интеллигенты. — А.Х.) есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» (Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 90). Положение туземной интеллигенции всегда двусмысленно: с одной стороны, отдалившись от местного населения, она всё равно чувствует с ним связь, при этом не умея найти общий язык с соплеменниками, с другой стороны, сблизившись с колонизаторами, интеллигенция никогда не может стать для «народа» вполне «своей».

¹⁰³ Фанон Ф. Отрывки из книги «Весь мир голодных и рабов» // Антология современного анархизма и левого радикализма / Под ред. А. Цветкова. М.: Ультра-Культура, 2003. С. 27.

нем народными людьми... Бросим иноземную, чуждую нашему народу форму наших идей, заменим ее той, которая ему свойственна, близка и родственна — пойдет и он за нами. Пять лет тому назад мы сбросили немецкое платье и оделись в сермягу, чтобы быть принятыми народом в его среду. Теперь мы видим, что этого мало — пришло время сбросить с социализма его немецкое платье и тоже одеть его в народную сермягу»¹⁰⁴.

Революционная интеллигенция подчеркивала существование непреодолимой пропасти между колонизаторами и колонизируемым местным населением и необходимость тотальной антиколониальной войны до победного конца. По словам Фанона, «колониальный мир расколот на две части», а «основательное разрушение колониальной системы вовсе не предполагает налаживания связи между двумя противостоящими друг другу лагерями, после того как будет упразднена разделяющая их граница, подорвать колониальный режим — значит не больше, не меньше как ликвидировать один из лагерей, закопать его в могилу или изгнать его из страны»¹⁰⁵. Как писал М.А. Бакунин (1869), «между Россией казенной и Россией народной, между государственным, сословно образованным миром в России и революцией народной... открывается война на жизнь и на смерть. В этой войне ни примирение, ни средний исход невозможны. Один из противников должен погибнуть: или государство со всею своею мишурно-образованною сволочью, или народ»¹⁰⁶.

Критикуя колониальный режим, туземная интеллигенция разоблачает насилие, лежащее в его основе. Франц

Фанон восклицает: «Местного жителя приперли к стенке, приставив к его горлу нож (вернее сказать, электрод к гениталиям)...»¹⁰⁷ «Законность своего существования колониальный режим поддерживает при помощи силы... Застывшие конкистадоры, попирающие землю колоний, не перестают всем своим видом заявлять: “мы находимся здесь благодаря нашим штыкам...”»¹⁰⁸. Революционер П.Н. Ткачев призывает: «отведите штык, вечно торчащий перед его (русского народа. — А.Х.) грудью, сломайте кнут, вечно висящий над его спиной, разожмите руки, крепко сдавившие его горло»¹⁰⁹. По мнению борцов антиколониального движения, насилие надо сокрушить насилием. Но чтобы мобилизовать массы местного населения на ответное насилие, необходимо развенчать священный ареал вокруг колонизаторов, которые до определенного момента представляются «простому народу» неприкосновенными «высшими существами». Как говорилось в прокламации, составленной П.Н. Шелгуновым: «нас миллионы, а злодеев — сотни... Приучите солдат и народ принять ту простую вещь — что из разбитого генеральского носа течет такая же кровь, как из носа мужицкого»¹¹⁰. По мнению Фанона, национально-освободительная борьба начинается, когда «местный житель открывает для себя, что его жизнь, его дыхание, его пульсирующее сердце ничем не отличаются от жизни, дыхания и сердца колонизатора», когда «он обнаруживает, что кожа колонизатора имеет не больше ценности, чем его собственная»¹¹¹.

Часто российская революцион-

¹⁰⁴ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый / Под ред. Е.Л. Рудницкой. М.: Археографический центр, 1997. С. 410.

¹⁰⁵ Фанон Ф. Указ. соч. С. 18–21.

¹⁰⁶ Революционный радикализм... С. 214.

¹⁰⁷ Фанон Ф. Указ. соч. С. 37.

¹⁰⁸ Там же. С. 60.

¹⁰⁹ Революционный радикализм... С. 356.

¹¹⁰ Цит. по: Шашкова Я.Ю. Теория революционной партии народников 70–80-х гг. XIX в. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2002. С. 74.

¹¹¹ Фанон Ф. С. 25.

ная интеллигенция непосредственно осмысливала свою борьбу в антиколониальных категориях. М.А. Бакунин подчеркивал, что правящие круги Российской империи и простой народ различаются не только культурно, но и этнически, что означает: начиная со второй половины XVIII в. в России сложилась классическая колониальная ситуация. «Дом Романовых... известным рядом подлогов и с помощью гвардейских солдат обратился в дом чисто немецкий, Гольштейн-Готторпский»¹¹². Русский народ оказался колонизирован государством Романовых, где «нет прогресса и цивилизации, а есть громадная, государственная эксплуатация народных сил для удовольствия вечно-празднующего и пресыщающегося барства, эксплуатация, охватывающая со всех сторон русский народ, сосущая его грудь, удушающая и подавляющая всякое проявление жизни в нем»¹¹³. Поэтому «наступает час последней борьбы между Романовским Гольштейн-Готторпским государством и между русским народом, между татаро-немецким игом и между широко славянскою волею»¹¹⁴. Эта борьба должна окончиться русской антиколониальной революцией — «народной мужицкой революцией»¹¹⁵, к необходимости которой взывал вместе с Бакуниным С.Г. Нечаев.

В агитационных стихах призывал (1869) «скрутить руки немецкие подставному царю-батюшке, Александршке подменному» (Александру II. — А.Х.), приведя его на «мужицкий суд»¹¹⁶, и Н.П. Огарев. Огарев в своих прокламациях, предназначенных для агитации среди простого народа, опять-таки изображал классическую колониальную ситуацию. «Прежде жили все в деревнях на великой свободе, все

были равны и своими делами сами управляли... Пришли в нашу землю тогда князья из-за моря с войском, привели с собой дворянскую сволочь... стали нашу землю отбирать да под себя подводить... Эти князья, которые место покорят, сейчас велят себе город построить, да тут и засядут... Придумали законы разные, стали со всех оброки да налоги собирать...»¹¹⁷. Антиколониальные мотивы борьбы русской революционной интеллигенции проступают здесь с максимальной ясностью. Правящие круги, распоряжающиеся Центральной Россией как внутренней колонией, предстают в этих строках не только в качестве культурно чуждой элиты, в жилах которой течет «немецкая кровь», но и непосредственно как «приплывшие из-за моря» колонизаторы.

Примечательно, что спустя столетие на предполагаемую антиколониальную «мужицкую» революцию в России, образ которой был создан народниками, ориентировались уже сами интеллектуалы Третьего мира. Так, кенийский писатель Нгуги Ва Тхионго вкладывает в уста героини романа «Кровавые лепестки», которая рассказывает о борьбе своего племени с колонизаторами, следующее утверждение: «Когда весь цвет илморогского воинства остался лежать на земле... [пронеслась] передаваемая шепотом весть, что в стране по имени Россия крестьяне, взявшись за копыя, отбили у врага в бою ружья и прогнали неприятеля прочь. Интересно, русские тоже черные, как мы? И неужто они прогнали европейцев?»¹¹⁸. Необходимость борьбы с европейской колониальной администрацией как бы сближает (до степени неразличимости) русское крестьянское большинство и туземное население Африки.

Таким образом, наличие общего

¹¹² Революционный радикализм... С. 286.

¹¹³ Там же. С. 223.

¹¹⁴ Там же. С. 280.

¹¹⁵ Там же. С. 224.

¹¹⁶ Там же. С. 250.

¹¹⁷ Там же. С. 252.

¹¹⁸ Нгуги Ва Тхионго. Кровавые лепестки. М.: Прогресс, 1981. С. 406.

врага объединяет русское народничество с позднейшими антиколониальными движениями африканских и азиатских стран и придает ему столь характерную для последних *антизападническую* направленность. С одной стороны, народническая интеллигенция сравнивала русское и европейское крестьянство, чтобы доказать угнетенное состояние первого. Так, Н.Г. Чернышевский писал (1861): «Вот у французов есть воля, у них нет розни: сам ли человек землю пашет, других ли нанимает свою землю пахать... надо всеми одно начальство, суд на всех один и наказание всем одно»¹¹⁹, указывая также на отсутствие во Франции и Англии подушной подати и рекрутской повинности. С другой стороны, народники считали, что Россия не должна равняться на Запад. России следует пойти «особым путем», отвергнув «буржуазные ценности» и построив «мужицкий социализм». Подобное чувство собственной исключительности и антизападная риторика были свойственны и многим антиколониальным движениям в отсталых аграрных странах.

В поисках «особого пути» народники ухватились за сельскую общину, парадоксальным образом переняв рассуждения об «общинном духе» русского народа у правящей элиты и консервативных публицистов. Так, П.Н. Ткачев призывал «вовремя поставить плотину» (в виде немедленной антиколониальной революции) на пути «быстро несущихся волн буржуазного прогресса» и предотвратить разрушение русской сельской общины, которое уже произошло во Франции и Германии. Ткачев считал, что русская община «существует с незапамятных времен», подобно общине афганцев, жителей Алеутских островов и острова Ява¹²⁰ (о яванской передельной общине как инструменте голландского колониального управления речь шла выше). Тем

самым революционер Ткачев фактически соглашался с колониальной архаизацией великорусского крестьянского населения, которому усилиями Гакстгаузена и его последователей навязывались антиисторизм и первобытность (против чего возражал в свое время Чичерин).

Передельная община, будучи фискальным механизмом в руках колониального режима, представлялась народникам образцом стихийного коммунизма крестьянских масс (впрочем, и Гакстгаузен видел в великорусской общине воплощение идеала утопических социалистов своего времени). Подобное усвоение антиколониальными борцами образов и понятий, изобретенных колонизаторами, не является редкостью. Как отмечал Эдвард Саид, Восток сам может усвоить образ «Востока», созданный западной колониальной цивилизацией. «Современный Восток сам участвует в собственной ориентализации... Простейший пример — это араб, который воспринимает себя самого как того голливудского “араба”»¹²¹. Народники, сами того не желая, были составной частью процесса внутренней колонизации Центральной России.

Послесловие. Иван Африканович и его корова

Рассмотрение российской истории XX в. в свете понятия «внутренний колониализм» не входит в задачи настоящей статьи, однако несколько замечаний на эту тему высказать все же необходимо.

Русские народники XIX столетия, пионеры антиколониального движения, подобно многим революционерам Третьего мира столетием позже, понимали антиколониальную борьбу как противостояние угнетаемой деревни колониальному городу. В 1869 г. Огарев, которого следует трактовать как одного из первых теоретиков ан-

¹¹⁹ Революционный радикализм... С. 89.

¹²⁰ Там же. С. 361.

¹²¹ Саид Э.В. Указ. соч. С. 503.

тиколонизма, в прокламации, обращенной к крестьянам, писал: «Надо нам, братцы, города их (“князей из-за моря”, “дворянской сволочи”. — А.Х.) жечь, да выжигать дотла. Да места выжженные вспахивать. В городах простова народа совсем мало живет, да и тот в услужении... Ежели города мы оставлять будем, тогда они в них укрепятся, и с ними нам не справиться»¹²².

Ровно сто лет спустя министр обороны КНР маоист Линь Бяо (1965) декларировал: сельские районы по всему «Третьему миру» должны «окружать и душить капиталистические города»¹²³, как это делали коммунистические армии в Китае в 1940-х гг. Пол Пот, во многом ориентировавшийся на маоистов (в начале своей политической карьеры он вместе с женой совершил своеобразное «хождение в народ», прожив некоторое время среди племен, населяющих джунгли), утверждал: «Освобождение кхмерского народа — это не только борьба патриотических сил против западных стран и их приспешников, это также борьба сельских масс против чужеродного явления — городов, которые символизируют угнетение...»¹²⁴ и в глазах большинства кхмеров связаны с французской колониальной властью.

Однако Россия в XX в. так и не увидела антиколониальной «мужицкой революции», о которой мечтали народники. Если мы вынесем за скобки аграрные беспорядки 1905–1907 гг. и последующие изменения в крестьянской политике и обратимся к событиям 1917 г., мы обнаружим нечто прямо противоположное. В результате октябрьского переворота в Петрограде к власти пришли большевики, главный идеолог которых, В.И. Ленин, на заре своей политической карьеры,

как и другие марксистские теоретики, жестко полемизировал с народничеством. Большевики, ориентировавшись на городской рабочий класс, провозгласили установление «диктатуры пролетариата», и это не было простой декларацией. Вместо того чтобы «душить города», как того требовала идеология антиколониальной революции, советская власть сразу же принялась «душить деревню». Чтобы обеспечить продовольственное снабжение городов, во время Гражданской войны большевики развернули против деревни настоящий террор по изъятию «излишков» хлеба.

В 1921 г., после провозглашения НЭПа, продразверстка была отменена, и политика по отношению к деревне временно смягчилась, но в партии продолжали вынашивать планы по «эксплуатации пролетариатом до социалистических форм хозяйства». На XII съезде РКП(б) в 1923 г. Лев Троцкий предложил форсировать развитие промышленности за счет ресурсов деревни. Выдвинув идею эксплуатации аграрных территорий в качестве «внутренней колонии», Троцкий назвал это «первичным социалистическим накоплением капитала»¹²⁵ по аналогии с первичным накоплением капитала в концепции Маркса, где этот термин обозначал обогащение европейцев за счет работорговли и «колониального ограбления» Азии и Африки. Троцкий сделать ставку на искусственное увеличение стоимости промышленных товаров по сравнению с продуктами сельхозпроизводства, чтобы поставить деревню в типично колониальную ситуацию «неравного обмена» (unequal change). Концепция «диктатуры промышленности», ограбления деревни во имя развития тяжелой индустрии, выдвинутая левой оппозицией во гла-

¹²² Революционный радикализм... С. 254.

¹²³ Цит. по: *Самородный О.* Тайны дипломатии Пол Пота. Таллинн: Sonasepp OU, 2009. С. 47.

¹²⁴ Там же. С. 40.

¹²⁵ Двенадцатый съезд РКП(б) 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1968. С. 351.

ве с Троцким, потерпела поражение на 13-й Всероссийской партийной конференции в Москве в январе 1924 г.¹²⁶, но уже через 5 лет Сталин фактически реализовал эту идею, провозгласив политику «сплошной коллективизации».

Известный социолог Алвин Гоулднер прямо определяет сталинизм как режим внутреннего колониализма. «Партийные лидеры оборонялись в городах против растущего сопротивления огромного сельского большинства... Силовая элита, сосредоточенная в городах, намеревалась доминировать над превосходящим сельским населением, с которым она соотносилась в качестве чуждой колониальной силы; это был внутренний колониализм, мобилирующий силу государства против колониальных данников в сельской местности»¹²⁷. Гоулднер заключает, что система внутреннего колониализма, которая держала крестьян в «политическом гетто» при царизме, нашла свое продолжение в советском строе, и это, по-видимому, действительно так. Советская власть, во всяком случае на ранних этапах, с ее колониальными методами управления, такими как огромные коллективные хозяйства, подчи-

няющиеся директивам Госплана, явилась новым этапом колониальной эксплуатации Центральной России и других сельских районов, на которые эта эксплуатация распространилась. Неслучайно советский опыт «сплошной коллективизации» вдохновлял британцев на сходные эксперименты в своих колониях (так, в 1947 г. в Танганьике была развернута программа по вытеснению индивидуальных производителей коллективными хозяйствами по выращиванию земляного ореха)¹²⁸.

Как реакция на колониальные процессы сталинизма¹²⁹, с 1960-х гг. в среде интеллигенции начали обнаружи-

¹²⁸ См.: Британская империя в XX веке... С. 111.

¹²⁹ Впрочем, задолго до советской власти плановые методы ведения хозяйства уже практиковались в колониях: так, в рамках «системы принудительных культур» (1830–1870) в голландской Яве туземное население обязывали заниматься выращиванием табака, сахарного тростника и индиго, предназначенных для экспорта. Население было обязано сдавать выращенные культуры колониальным властям по фиксированным ценам. Количество земли, которое необходимо было отдать под выращивание тех или иных культур, определялось самой колониальной администрацией исходя из установленных ей нормативов. Спустя некоторое время подобная принудительная система централизованного планирования доказала свою неэффективность, и голландцы были вынуждены от нее отказаться в пользу рыночных механизмов, что в конечном счете произошло и в СССР. Примечательно, что подобные методы хозяйствования возможны именно при колониальном режиме управления, когда власть действует исходя из собственных соображений, невзирая на местную специфику и интересы населения, и практикует системное насилие, чтобы принудить к повиновению всех несогласных. См.: J.L. van Zanden. Colonial state formation and patterns of economic development in Java, 1800–1913 // Economic History of Developing Regions. 2010. V. 25. P. 155–176.

¹²⁶ Как говорил Л.Б. Каменев, оппонируя Троцкому и его единомышленникам: «Вы приходили и говорили: давайте гривенничек накинём на пуд нефти, а мы говорили: продавай по прежней цене, и то прибыль будет... Это политика правильная... которая говорит нам... снижай цены, режь накладные расходы, не гонись за тем, чтобы за год зарабатывать 100 процентов, потому что этим ты мужика разоришь, а мы налоги с мужика берём. Армию мужик содержит... Если мы на мужике ездим и годы еще будем ездить, то мы ради союза с мужиком должны цены снизить. А тут приходят коммунисты, которые говорят, что... надо стремиться к максимальной прибыли» (Московская губернская конференция РКП(б). 1-е заседание. 10 января 1924 г. Вып. 1. С. 30).

¹²⁷ Gouldner A. W. Stalinism: a study of internal colonialism // Telos. 1977. V. 34. P. 5–48.

ваться — насколько это было возможно в условиях авторитарного строя — антиколониальные настроения, которые выразились в т.н. «деревенской прозе», ставшей одним из самых ярких явлений в советской литературной жизни того периода. Творчество писателей-деревенщиков типологически очень сходно¹³⁰ с творчеством их африканских современников, таких как кенийцы Нгуги Ва Тхионго (р. 1938) и Медж Мванги (р. 1948) или нигериец Чинуа Ачебе (р. 1930). Целое поколение африканских писателей, чья молодость пришлось на последние годы существования колониального режима, в своих произведениях описывало патриархальную сельскую идиллию, которая стремительно разрушалась с проникновением колонизаторов и ростом городов. Социальная деградация, разрушение деревенских традиций — эти темы объединяли советских писателей-деревенщиков с их африканскими коллегами. «Деревенская проза», расцветшая на закате советской империи, стала своеобразной эпитафией «задушенной деревне», истощенной и деградировавшей в результате советской колониальной эксплуатации.

«Вы косите в лесу по ночам для личных нужд, вы понимаете, что это прокурором пахнет?» — угрожает приехавший районный начальник Ива-

ну Дрынову, главному герою повести «Привычное дело» (1966). Ее автор, Василий Иванович Белов (р. 1932), один из первопроходцев «деревенской прозы», сделал незаконный покос узловым моментом сюжета повести.

Дрынов Иван Африканович (его отчество в высшей степени символично), отец девяти детей, чтобы содержать корову («в колхозе без коровенки нечего и думать прожить»)¹³¹, вынужден по ночам косить для нее сено. Местное начальство считает это непростительным проявлением индивидуализма: «партия и правительство все силы бросили на решение Пленума, а у вас в колхозе люди этого недопонимают, им свои частнособственнические интересы дороже общественных»¹³². Дрынова вынуждают сдать накошенное сено колхозу, и с горя он пытается со своим шурином уехать на заработки в Заполярье. Когда Дрынов, так и не сев на поезд, возвращается в деревню, он узнает, что его больная жена умерла, пытаясь в одиночку накосить сено для коровы. Иван Африканович вынужден зарезать оставшуюся без сена корову, а часть детей отдать в приют. Зарезанная корова Рогуля, над которой плачет Иван Африканович (мясо «свезу в райсоюз, сушили принять в столовую»), в повести символизирует одновременно и индивидуальное начало, угнетаемое во имя насаждаемого сверху коллективизма, и русскую деревню в целом, уничтожаемую колониальными методами советского режима.

Если принять, что Центральная Россия претерпела две волны колонизации (первая — с XVIII по начало XX в. и вторая — с 1917 г.), то «деревенскую прозу» следует трактовать как составную часть второй волны антиколониальной реакции. В то время как первая волна антиколониального движения, литературное и политическое на-

¹³⁰ Подобный компаративистский подход может быть весьма плодотворен, когда речь идет о литературе, создаваемой от лица угнетенных и эксплуатируемых масс населения. См., напр.: *Peterson D.E. Up from Bondage: The Literatures of Russian and African American Soul.* Durham, L., Duke University press, 2000, где проза русских писателей XIX в. сравнивается с произведениями американских чернокожих авторов. Крепостное право в России и рабство в США (и их отголоски) наложили значимый отпечаток на литературный процесс, это же можно сказать и о коллективизации в СССР и эксцессах колониализма в Африке.

¹³¹ *Белов В.* Привычное дело. Повести и рассказы. М.: Эксмо, 2005. С. 87.

¹³² Там же. С. 82.

родничество второй половины XIX в., была довольно ожесточенной, но фактически окончилась ничем, то вторая протекала гораздо более мягко, но возымела гораздо более весомые политические последствия.

К концу 1980-х гг. ранее аполитичная ностальгия советской почвеннической интеллигенции непосредственно дозрела до требований антиколониального характера, которые особенно убедительно звучали на фоне характерных для тех лет разоблачений сталинизма, наиболее интенсивной фазы «внутренней колонизации». Внутренняя логика этой трансформации очевидна: если советская власть десятилетиями эксплуатировала русскую Россию, разрушала деревню насаждением колхозов и выкачивала из нее рабочую силу, то русский центр должен начать борьбу за национальное освобождение от колониальной советской империи. Неслучайно, что впервые о возможности выхода России из СССР на Первом съезде народных депутатов заговорил именно писатель-деревенщик Валентин Распутин (р. 1937). Как писали годом позже в почвенническом журнале «Наш современник», «великая страна оказалась *сырьевым придатком* удивительно быстро подросших многочисленных «младших братьев»¹³³.

Подобные обвинения в адрес колониальных эксплуататоров бросали и многие интеллектуалы Третьего мира, недовольные превращением своих стран в сырьевую базу европейских империй. Помимо всего прочего, советскую почвенническую интеллигенцию с деятелями антиколониального движения Азии и Африки сближал и нарочитый традиционализм, антизападничество, пристрастие к социалистическому пути развития.

Борис Ельцин, не разделяя антизападничества и левых настроений «па-

триотического» направления, тем не менее поспешил позаимствовать у него антиколониальную риторику. «Многолетняя имперская политика центра привела к неопределенности... положения России... Сегодня центр для России — и жестокий эксплуататор, и скупой благодетель, и временщик, не думающий о будущем. С несправедливостью этих отношений необходимо покончить»¹³⁴. «Мы против Союза за счет интересов России...»¹³⁵ В этих выступлениях Ельцина 1990 г. проглядывает инверсия, характерная для ситуации «внутреннего колониализма»: имперский «центр» смещается, так что внутренняя Россия, будучи номинальной метрополией, предстает в роли эксплуатируемой колониальной периферии.

Не столько демократические лозунги, сколько антиколониальная риторика позволила Ельцину оправдать «суверенизацию России» и одержать победу над М.С. Горбачевым, который полагал, что следует демократизировать Союз в целом, не разрушая его как государство. Именно восприятие России как «внутренней колонии» в рамках советской империи сделало возможным ее стремительный бросок к независимости: собственный флаг, собственная армия, собственные СМИ — Россия, как и все бывшие колонии, в 1990–1991 гг. спешно обзаводилась всеми атрибутами суверенного государства.

Практически все антиколониальные революции в Африке, после которых бывшие колонии получали независимость, сопровождались падением уровня жизни, деградацией промышленности, развалом системы здравоохранения и расцветом бандитизма. Это же произошло и в России после 1991 г. О сходстве постколониального

¹³⁴ Горбачев–Ельцин: 1500 дней политического противостояния. М.: Терра, 1992. С. 188.

¹³⁵ Там же. С. 275.

¹³³ Наш современник. 1990. № 3. С. 3.

развития России и африканских стран говорит, например, динамика российского федерализма. Как и многие африканские правительства, власти независимой России унаследовали федеративное устройство от бывших имперских администраторов. В результате ряда экспериментов с федерализмом российские власти посчитали нужным его свернуть: «нынешние официальные оценки безапелляционно зачисляют федерализм в политический антураж “лихих 1990-х”, официально порицаемых и осуждаемых... сходным образом сегодняшние руководители Камеруна клеймят позавчерашнее федералистское десятилетие в истории своей страны как исключи-

тельно мрачный этап, достойный скорейшего забвения»¹³⁶.

В конечном счете, проведение аналогий между Россией и странами Третьего мира оправдано не потому, что Россия в какой-то момент деградировала до их уровня, а потому, что она принадлежала к их числу на протяжении значительного отрезка собственной истории и, увы, по-прежнему принадлежит к ним.

¹³⁶ Захаров А.А. «Черный федерализм»: африканский опыт и Российская Федерация // Неприкосновенный запас. 2011. №3. С. 189–200.

НОВАЯ КНИГА ИЗДАТЕЛЬСТВА «СКИМЕНЬ»

Александр Храмов. «Катехизис национал-демократа»

В книге молодого политика и публициста Александра Храмова затрагивается проблематика отношений нации и империи в российской истории, рассматриваются особенности и генезис российского федерализма. Что такое русский демократический национализм, возможно ли трансформировать Российскую Федерацию в русское национальное государство — на эти и другие вопросы автор пытается дать ответ в рамках национал-демократической парадигмы. Книга предназначена широкому кругу читателей, интересующихся историей и современным политическим процессом в России.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-580-1912, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).